

12+

Виктор КОРОЛЕВ

По следам ПУШКИНА

Виктор Королев
По следам Пушкина

Издательство «Союз писателей»

2016

УДК 82.091
ББК 84 (2 Рос=Рус)

Королев В. В.

По следам Пушкина / В. В. Королев — Издательство «Союз писателей», 2016

ISBN 978-5-00073-368-4

Жизненный путь Пушкина описан и изучен по минутам. Эта книга показывает совсем другого поэта – порой беспомощного, отчаявшегося, но всегда родного и гениального. Жанр «художественно-историческое исследование» – это не фотография. Объектив отражает то, что было, а литература – то, что могло быть. Исторические новеллы, собранные в книге с едва уловимой общей сюжетной линией, – это многогранный кристалл, в котором апокрифы органично уживаются с признанными фактами, а неразгаданные тайны с почти детективным расследованием. И всё это связано с великим Пушкиным, и потому читается на одном дыхании.

УДК 82.091
ББК 84 (2 Рос=Рус)

ISBN 978-5-00073-368-4

© Королев В. В., 2016
© Издательство «Союз писателей», 2016

Содержание

От автора	6
Старая открытка	7
I	7
II	9
III	10
IV	11
V	13
VI	15
VII	16
VIII	17
Пушкин и Аракчеев	19
Другой властитель наших дум	19
Не требуй от меня опасных откровений	20
Но это зеркало мне льстит	22
Презреть бы твое предсказанье	23
Нас возвышающий обман	24
И в Летний сад гулять водил	25
Ученый малый, но педант	28
Россию поднял на дыбы	30
Тираны мира! Трепещите!.	31
Чистейшей прелести чистейший образец	33
Одна, но пламенная страсть	36
Быть можно дельным человеком...	39
Принять ответственность умеет на себя	41
Не требуя наград за подвиг благородный	42
Мой друг, Отчизне посвятим...	43
Любовь к отеческим гробам	44
Маленькая пьеса для большого сердца	45
Выходец «со свекольного хутора»	45
Бессмертной возлюбленной	47
Тайна «бессмертной возлюбленной»	49
В тишине, наполненной музыкой	52
«Ангел, спустившийся с небес...»	54
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Виктор Королев

По следам Пушкина

Посвящаю моей дорогой маме – С ВЕЧНОЙ ЛЮБОВЬЮ

От автора

Эта книжка писалась частями. Писалась специально для одного человека. Каждую часть я торопился послать в Екатеринбург, чтобы приободрить маму, которая много болела. После смерти папы здоровье ее стало быстро таять, и мне очень важно было поддерживать у мамы интерес к жизни. Одной главы хватало на месяц-два, и тогда я садился писать следующую...

Маме было 89. Много лет она интересовалась темой «Вокруг Пушкина». Прочитала массу книг, собрала гигантское количество материалов. Она помнила по именам всех друзей поэта, все родственные связи, все даты. Однажды к ней даже обратился за консультацией Читинский музей декабристов.

Жизненный путь Пушкина описан и изучен по минутам. Но с годами биография поэта обрывает все новыми и новыми легендами и мифами. Я старался никого не вводить в заблуждение, не использовать непроверенные факты и домыслы. Но «художественно-историческое исследование» – это не фотография. Объектив отражает то, что было, а литература – то, что могло быть.

Мог Бальзак стать шурином Пушкину? Этого не произошло лишь потому, что одна из их сестер-избранниц оказалась шпионкой. Мог Гоголь вызвать «наше русское всё» на дуэль из-за женщины? Да, он так и хотел сделать, но, слава Богу, струсил. Мог Аракчеев отправить поэта в сибирскую ссылку или на виселицу? Еще как мог – но не стал, потому что сам был влюблен без ума...

Я старался брать факты малоизвестные. Например, что муза у Пушкина и Бетховена была одна, и перед ней оба гения преклонялись всю жизнь, спрятав глубоко в душе эту тайну. Или что внебрачный сын Пушкина оказался ненароком причастным к страшным трагедиям, затронувших всю нашу страну и растянувшихся по времени на десятилетия. Или про то, как Бунин пил чай с внучкой великого поэта, а та рассказывала ему, что от тяжелой жизни ей пришлось торговать собой. Или про то, как ученые признали в сибирском старце умершего императора Александра I, а местный купец, наш дальний предок, на свои деньги поставил на его могиле часовню...

Я хотел написать о том, что связано не только с пушкинскими местами, но и хоть как-то – с теми городами и поселками, где бывал сам или где жили близкие мне люди. Оказалось, что у белорусского города Слуцка и дальневосточного поселка Де-Кастри много общего, и хотя поэт там никогда не был, – есть связующая ниточка с великим Пушкиным. Связаны между собой сибирский Томск, Лазурный берег и лесопарк Уралмаша... Мне очень хотелось увидеть эту едва уловимую общность и попытаться соединить всё единым сюжетом.

Мозаика сложилась по одной причине – потому что Пушкин в каждом из нас. Теперь я понимаю, что так сильно и надолго заинтересовало мою маму в этой теме. Пусть и всех желающих заинтересует эта книжка – впрочем, такая мечта есть, наверное, у каждого автора.

Никакой коммерческой цели, как вы понимаете, у меня не было. Может быть, что-то недоговорено, осталось непонятным для тех, кто слабо знаком с жизнью великого поэта. Но достаточно его любить – а не любить Пушкина, думаю, невозможно.

Премного благодарен всем тем, кто с научной дотошностью годами рылся в архивах, изучая каждый день и каждый шаг Александра Сергеевича, и теперь щедро поделился своими находками. Я благодарен за возможность воспользоваться их исследованиями и прошу прощения у тех, кто не назван здесь или чья цитата осталась незакавыченной. Поймите, не со зла это и не тщеславия ради.

За понимание – спасибо огромное и низкий поклон.

Старая открытка

I

Арбат той зимой не чистили, и это было очень непривычно. Улица казалась пустынной, цветные плитки тротуаров покрыты толстым ковром из темных листьев, которые потрескивали, ломаясь под ногами, словно яичная скорлупа. Листья сначала были красно-желтыми, потом серыми от инея, потом и вовсе черными. В грязных палатках продавались матрешки и майки с надписью «perestroika», но покупать их было некому. Иностранцев перед Рождеством очень мало – никто, видно, не хотел ехать в холодную, бесснежную Россию, где в магазинах и ресторанах пусто, как пусто сейчас на Арбате с его бледно-желтыми фонарями.

Каждое утро становилось холоднее ровно на пятую часть градуса, и к середине декабря ночью доходило до минус десяти. А недели за две до Нового года прошел дождь, и все покрылось ледяной коркой. «Снег выпал только в январе». Кстати, кто помнит, как там дальше у Пушкина? Это вопрос на засыпку – может, один из ста и вспомнит с трудом...

Я шел по Арбату и мечтал о Крыме, о жарком лете. Вон в том букинистическом магазине я прошлой весной купил старинную открытку – Бахчисарай начала двадцатого века. Какие-то глинобитные мазанки с глухими дувалами, длинноухий осёл посередине улицы, как раз напротив ханского дворца. Так было занятно рассматривать знакомые места!

Дверь в магазин открываешь – звенит колокольчик. Магазин дорогой, на массивных стеллажах фолианты с золотым тиснением. Это всё не по моим деньгам. У прилавка очередной книжный «жучок» перекупщик продавщицу молоденькую охаживает. Она ему за шоколадку сортирует то, что народ приносит. А он потом сдаёт в другой магазин по другой цене. Выгодное дело нынче. Мяса в стране нет, нет и книг. Из дешёвых вечных ценностей – лоток со старинными открытками. По сорок копеек за штуку.

Открыток и фотографий много, люди сносят их пачками, никому нынче ничего не нужно, на бабушкину память колбасы не купишь. Перестройка. И что будет завтра, не знает сам господь Бог...

Снова стою и перебираю старые открытки. Сказать, что я её сразу увидел, – неправда будет.

Открытка была кичевая, крашенная. Стоит женщина в манерной позе, старая блузка, потертая юбка, рваный узелок держит, бурлаки на Волге такой бы и в руки взять постеснялись. Видно, что открытке много лет. Я перевернул её...

На обороте были стихи. Стояла дата – октябрь 43-го года. Но дело не в том, что открытка военных лет. Дело в стихах. Стихи были потрясающие. Мастера всегда можно отличить от дилетанта, даже если это экспромт. На открытке была рука мастера! Размеренный слог, простые рифмы, способность в нескольких строках нарисовать картину так, что она оживёт перед глазами. Так умеет только большой мастер. И впрямь – «словно ангел за спиной у него стоит». Но автора там не было. Только две буквы вместо подписи – «И.Б.» И тут меня словно громом ударило – Бунин! Это его упругий стиль, чёткие рифмы, некоторая небрежность в оборотах, какая-то неповторимая доброта и легкая грусть. Иван Бунин. Иван Алексеевич Бунин. Автограф великого писателя за сорок копеек.

Я спрятал открытку в середину лотка, пробил в кассе чек, отдал его продавщице, вынул из лотка открытку, сказал: «Мне вот эту...» И добавил: «Знаете, первый раз в жизни держу в руках автограф Бунина». Зря я это сказал. Продавщица чуть не перепрыгнула через прилавок, пытаясь выхватить из рук открытку. А «жучок»-перекупщик еще долго шёл за мной по Арбату.

Старая открытка потом всегда лежала в заветном ящике письменного стола. Я иногда доставал её, показывал друзьям. А экспромт выучил наизусть.

Посвящается Е.П.

*Целый день шагаю зверем в клетке,
Тяжски думы, как напев пурги,
Хорошо, что завтра у соседки
Праздник, будут пироги.
Развлекает, угощает чаем,
Голос звонче меди и струны,
Я когда глаза ее встречаю,
Сердце просит песен и весны.
И покуда розовые свечки
Не затеплят снежную парчу,
Будут сниться черные колечки,
Что ложатся к милому плечу.*

И.Б. 19/X 1943 г.

Кто такая Е. П., никто из моих друзей-знакомых понятия не имел. Да и сомневались они, думали, я их дурачу с автографом – не бывает такого, чтобы за сорок копеек продавались неизвестные стихи Нобелевского лауреата.

Прошло двадцать лет. Так бы и лежал бунинский автограф в ящике стола, если бы однажды – совершенно случайно – не попалась мне на глаза газетная публикация, интервью с удивительным и многогранным человеком, профессором, специалистом, в том числе и по творчеству великого писателя.

II

Как известно, жизнь Бунина сложилась трудно. Он не принял революцию и в начале 1920 года навсегда покинул Россию. В Париже он жил, встречался с друзьями, читал им свои повести, рассказы, иногда – стихи. Но писал он только о России.

«Всё чужое, не своё, – вспоминал Бунин. – Все оказалось не то и не так. Всё, что я писал в то время, наполнено грустью и горечью. Всё мое творчество за границей построено на русском материале. Я не мог писать о другом. Я не мог обрести свою вторую Родину здесь. Я пишу о смысле жизни, о любви».

Узнав, что его кандидатура выставлена на Нобелевскую премию, Иван Алексеевич жил надеждами. Но проходили год за годом, а известий не было никаких. Десять лет минуло в напрасных ожиданиях.

Вечером 9 ноября 1933 года он смотрел какую-то «веселую глупость» в синематографе. Вдруг шепот: «Мсье Бунин». Он так и не смог привыкнуть к ударению на последнем слове в своей фамилии, и потому не сразу отозвался. Оказалось, его разыскивали по телефону из Стокгольма. «Не испытываю ничего, кроме сожаления, что не удалось посмотреть фильм. Какой-то перелом в моей жизни», – вспоминал Бунин.

Возвратившись из Швеции после чествования, он чувствует себя богачом. При малой доле практичности Нобелевской премии должно было хватить до конца жизни. Но Бунины не купили ни квартиры, ни виллы. Иван Алексеевич, не жалея денег, раздает «пособия» эмигрантам, жертвует средства для поддержки различных обществ. По совету доброжелателя вкладывает оставшуюся сумму в «беспроигрышное дело» – и остается ни с чем.

Когда началась Вторая мировая война, у них уже не было ни франка. Со старого дома, где когда-то собиралась чуть ли не вся русская эмиграция, пришлось съехать в тесную квартиру – платить за большое жилье уже не по карману. И снова потянулись «окаянные дни».

Ему не писалось. Целыми днями вышагивал по кабинету «зверем в клетке». Почти законченный цикл рассказов «Темные аллеи» лежал в столе, и он все никак не мог решиться отдать его издателю. Денег не стало хватать даже на еду. Хозяева требовали аванс за жилье и грозили отключить газ. В квартире было холодно и сыро.

III

В холодном сентябре 1914 года девушка провожает на войну жениха. Чтобы скрыть печаль перед долгой разлукой, тот читает ей стихи Фета о холодной и ранней осени. Через месяц его убивают. Она остается жить дальше. «Холодная осень» – один из самых пронзительных и нежных бунинских рассказов из цикла «Тёмные аллеи». Но почему Бунин, всегда детально описывавший внешность своих героинь, дававший им красивые имена, на этот раз не сказал о главном персонаже ни слова? Мы не увидим лица рассказчицы. И не узнаем, как ее зовут. Лишь её монолог, похожий на предсмертную исповедь. Так кем же была та таинственная бунинская незнакомка? Ответ на эти вопросы дает профессор Владимир Фридкин, автор многих книг.

В интервью одной московской газете он рассказывал:

– Как писатель находит прототипы для своих героев? У одного подсмотрит внешность. У другого – характер. Взятые из жизни истории и их герои нередко переплетаются в голове, и так рождаются новые книги. Так Лев Толстой подарил облику Анны Карениной черты Марии Гартунг, старшей дочери Пушкина. Это, впрочем, история известная. Но иногда на новый сюжет натолкнет чья-то печальная судьба, рассеянная в тысячах похожих судеб... Так получилось и с Еленой Розенмайер, ставшей бунинской музой в «Холодной осени». Я выяснял это очень долго, и только поездка во Францию и знакомство с документами и теми людьми, кто лично знал Елену, помогли мне утвердиться в своей догадке...

В кратком рассказе Бунин описал главные повороты жизни Елены Розенмайер, считает В. Фридкин. Юная девушка, выросшая в дворянском гнезде и считавшая самой страшной потерей смерть на войне любимого человека. Она клянется жениху, что не переживет его гибели. А потом революции, эмиграция, унижения, нищета. Через тридцать лет уставшая и одинокая женщина размышляет о том, что же все-таки было памятного в ее жизни. И отвечает себе: только тот холодный сентябрьский вечер и стихи Фета.

IV

Холодной осенью 1943-го года Бунин познакомился с одной русской эмигранткой. Она жила неподалеку. Назвать красивой эту невысокую женщину с большим приплюснутым носом никто не рискнул бы. Разве что серо-голубые глаза ее были выразительны, голос звонок да темные волосы красиво вились от природы. Звали ее Елена Александровна Розенмайер. Лишь неделю спустя, когда они подружились и соседка стала рассказывать про свою жизнь, Бунин ахнул: Елена была дочерью Александра Александровича Пушкина, внучкой великого поэта.

После революции она на последнем корабле эмигрировала из Крыма в Турцию. Жила подаяннем в Константинополе. Потом Париж, Ницца. У нее на руках приемная дочь Света, которая, когда выросла, бросила мать и стала «совсем француженкой». Сейчас работает в кондитерском магазине.

– Очень больно, но дочь меня совсем забыла. Простите, Иван Алексеевич, но ради нее я делала самую грязную и стыдную работу. А теперь мне не на что жить...

В следующую встречу с Еленой Александровной писатель вручил ей мешочек с двумя фунтами муки.

– Что это? – спросила она, зябко кутаясь в рваную пуховую шаль, прошитую черной каймой. – Зачем?!

Но, видя его замешательство, чуть улыбнулась запавшими глазами:

– А впрочем, завтра у меня, можно сказать, семейный праздник, приходите на пироги.

Назавтра встретила Ивана Алексеевича у ворот. Ее лицо почему-то напомнило Бунину посмертную маску Пушкина. Глаза ее были печальны, ввалившиеся щеки бледны, на темных волосах лежали снежинки.

– И вы тоже весь в снегу, – сказала она. – Словно шитье с серебром. У меня перед войной было такое платье, парчовое с искрой. Перед той еще войной... Холодно, пойдемте в дом.

В маленькой её комнатке и вправду пахло пирогами, стол был застелен чистой простыней.

– Не страстбургский пирог и без шампанского, – усмехнулась она своими полными губами, – но все же... Угощайтесь, прошу вас!

Это был действительно праздник. Посреди холода и войны. Бунин вручил ей открытку, на обороте которой быстро набросал три четверостишья. Они сидели напротив друг друга, ели пироги, пили чай и молчали. Потом Елена Александровна сказала:

– Вы знаете, лет десять назад я написала советскому торгпреду в Париже Скобелеву. Не в моих правилах жаловаться на судьбу, но тут, словно прорвало, все в письме ему выплеснула – и что очень нуждаюсь, и что предлагаю совдепу выкупить оставшиеся у меня кое-какие семейные реликвии, дневниковые записи деда. Честно предупредила, что не могу расстаться с ними до 1937 года – так завещал мой отец. О, лучше бы я этого не делала! Дочь, как узнала про письмо, так и ушла от меня и с тех пор не появляется. Я ведь тогда моложе была, и путь оставался один, на панель...

Спустя несколько месяцев, когда солнце играло в промытых окнах, а на газонах цвели нежные крокусы, Елена Александровна Пушкина умерла. Бунину сообщила об этом консьержка. Она же с непонятным наслаждением рассказала ему, что к постоялице приходила дочь, и именно она закрыла глаза матери. Но на похороны Светлана не явилась. Вообще никто не пришел проводить в последний путь внучку поэта. Были только Бунин и какой-то господин в желтых ботинках.

– Вы знали Елену Александровну? – попытался заговорить с ним Бунин.

Тот не откликнулся. Он не понимал ни по-русски, ни по-французски. Молча постоял у могилы и, не прощаясь, ушел... Вечером того же дня Бунин написал короткий рассказ. О

холодной осени и женской любви. Это был последний рассказ в его цикле «Тёмные аллеи». Завтра он отнесет его издателю и получит аванс. Можно будет жить дальше...

V

Разве мог я когда-нибудь подумать, что старая открытка, купленная в букинистическом на Арбате, приоткроет тайну пропавших пушкинских дневников?!

Поисками пропавшего дневника великого русского поэта занимались знаменитые пушкинисты Щеголев, Морозов, Лернер и многие другие. Дело в том, что после смерти Александра Сергеевича генерал Третьего отделения Дубельт опечатал его кабинет и забрал рукописи. Среди конфискованных бумаг находились личные записки поэта, которые тот вел с 1833-го по 1835 год. На внутреннем переплете тетради кто-то из жандармов проставил – «№ 2».

Естественно, у пушкинистов возникло предположение: коли существует «дневник № 2», то где-то есть и «дневник № 1». А так как более ранние записки Пушкина хорошо известны (часть он сжег в Михайловском, сразу же после восстания декабристов), то логично было бы предположить, что в пропавшем «дневнике № 1» хранятся записи двух последних, самых трагичных лет жизни поэта.

Некоторые ученые предполагали, что сами дети поэта дневник и спрятали. Из-за желания сохранить тайны семьи – так поступили, например, и потомки лорда Байрона. Старший сын Пушкина, Александр, до самой своей кончины ревностно оберегал личные бумаги отца. Он требовал, чтобы сохранившийся «дневник № 2», как и письма поэта к жене, не публиковали раньше 1937 года. После его смерти сафьяновую тетрадку с записями забрала в Петербург Мария Гартунг, старшая дочь Пушкина. В гражданскую войну жена внука поэта, Юлия Пушкина, спрятав «дневник № 2» под платье, перевезла его на крыше поезда обратно в Москву и передала в Румянцевский музей. Где он лежит и по сей день. Он хорошо известен и был полностью опубликован еще в 20-х годах прошлого века. А «дневник № 1» так и не был обнаружен. Хотя были предположения о том, что эти сенсационные материалы находятся где-то за границей, у тамошних потомков Пушкина...

Профессор Владимир Фридкин рассказывает в своем интервью:

– Мне довелось принять участие в поисках пушкинского дневника. И неожиданно выяснились удивительные вещи. В 1981 году я был гостем Лондонского королевского общества и попросил принимающую сторону отвезти меня в замок Лутон Ху, который принадлежал тогда сэру Николасу Филипсу, прапраправнуку Александра Сергеевича. Именно его называли одним из самых вероятных претендентов на владение пушкинскими записками.

Он жил отшельником и никого не приглашал в гости. Фридкин был первым советским путешественником, который посетил его поместье, что находится в 60-ти километрах от Лондона. Имение Лутон Ху – второй по значимости частный музей в Англии.

В подарок сэру Филипсу профессор Фридкин привез 10-томное собрание сочинений его предка. Этот высокородный английский аристократ был очень растроган, хотя оказалось, что он совсем не понимает по-русски. Даже детей Пушкина он величал на британский манер – Мэри, Элекзандер, Грегори, Натали. Крестной матерью сэра Филипса была сама английская королева. А его родная сестра Наталья – герцогиня Вестминстерская, которая крестила принца Уильяма, старшего сына принцессы Дианы (леди Ди) – возможного наследника английского престола. Вот такие они, английские Пушкины.

Да, если пропавший дневник Александра Сергеевича действительно находится здесь, размышлял Фридкин, приехав в замок, то владельцам его нет никакой нужды продавать или обнаруживать эту реликвию. Однако же поведение сэра Филипса ни подтвердило, ни развеяло его опасения.

С одной стороны, поговорив с ним, советский профессор уверился, что дневника поэта у английской ветви Пушкиных, потомков графини Меренберг, младшей дочери поэта, никогда не было. В замке Лутон Ху (в котором, кстати, когда-то жила еще Анна Болейн, казненная жена

Генриха VIII, и где принц Чарльз познакомился с леди Дианой) хранятся богатейшие коллекции ювелирных изделий, в том числе и Фаберже, на стенах висят картины эпохи Ренессанса, в шкафах – раритетное немецкое серебро. Целых две комнаты в замке посвящены Александру Пушкину. Фридкин спросил хозяина за чаем, что он знает о пропавшем дневнике великого поэта.

Сэр Филипс очень долго не отвечал, о чем-то переспрашивая переводчика. Потом подтвердил, что слышал о пропавших записях своего гениального предка, и с каким-то странным пафосом вдруг заявил, что никогда не знал, где те находятся. Вот если бы они были у него, то непременно стали бы лучшим экспонатом пушкинской экспозиции.

Вот это заминка и насторожила Фридкина. Вроде, такие люди не лгут. Но, с другой стороны, гипотеза пушкинистов о том, что бесценную реликвию припрятали английские потомки, родилась не на пустом месте. И опровержение любых догадок требует доказательств. Поиск привел к внучке Пушкина.

Именно там, во Франции, профессор Фридкин случайно познакомился с женщиной, которая в годы войны знала Елену Александровну. Якобы внучка Пушкина как-то ей призналась, что отдала все записи деда какому-то надежному человеку, который в целях безопасности переправил их в другую страну. В какую? Женщина этого не знала. Боюсь, что никто теперь этого не узнает. Как, впрочем, и то, действительно ли владела дневником Елена Александровна. Или, желая привлечь внимание к себе, она, особа, по воспоминаниям современников, достаточно эксцентричная, просто выдумала эту историю.

VI

– На Лазурный берег я приехал в феврале 97-го, – продолжает свой рассказ Владимир Фридкин. – В это время года солнце в Ницце казалось тусклым, а вода – серой, а может быть, это было состоянием моей души. Продрогший, я возвращался назад, к чашке чая в баре на набережной. Официант пожаловался на мерзкую погоду за окном: «И осень нынче тоже была холодная!» Услышав его слова, я тут же вспомнил Ивана Бунина и внучку Пушкина. В мэрии мне выдали справку о том, что Елена Пушкина Розенмайер, проживавшая по бульвару Гамбетта, 42, умерла 1 мая 1944 года в возрасте 48 лет. Из близких у нее никого не осталось. Как же можно было обнаружить нить давно потерянной судьбы? Я обратился в православную церковь на авеню Николая Второго. И тут мне несказанно повезло. Там я случайно встретил одну очень старую русскую прихожанку, еще из первой волны эмиграции.

Фридкин подарил ей букет фиалок и спросил: не помнит ли она Пушкину? Она ответила, что немного общалась с ней еще до войны. «Такая невысокая большеголовая дама лет за сорок. Ходила в коричневом картузе, подбирая свои кудри, и в немецких солдатских ботинках на толстой подошве. Бедствовала ужасно. Говорят, чуть однажды руки на себя не наложила. Ее часто видели у бара, где поджидают своих клиентов продажные женщины».

Как рассказала эта старая женщина с громкой дворянской фамилией, однажды возле отеля «Негреско» Елену Александровну подсадил к себе в машину русский таксист. Тратиться на гостиницу нетерпеливому клиенту, видимо, не очень хотелось – поэтому он остановил свое такси, разложил заднее сиденье, быстро сделал то, что хотел, и, сунув ей в карман пару банкнот, предложил подвезти напоследок. Но ехать Елене Розенмайер было некуда: за неуплату квартирного долга хозяйка выгнала ее на улицу. Она тихо плакала на заднем сиденье такси, окончательно раздавленная и униженная. Чтобы не молчать, смущенный водитель спросил, как ее зовут. Когда она назвала фамилию деда, водитель вытер пот со лба и нажал на газ...

Она говорила о своем счастливом детстве в России, где ее все любили, об имени отца в Лопасне, о Москве, о Пушкиных, о дочери, отказавшейся от нее. Шофер служил когда-то подпоручиком во врангелевской армии, после бегства из Ялты на последнем судне долго жил в Константинополе, был одинок. В Ницце у него была маленькая квартирка, куда он и привез внучку Пушкина после первой «брачной» ночи.

Поженились ли они официально? Этого никто не знает. Но Елена Александровна ни от кого не скрывала свой странный роман. Но перед войной муж, трогательно заботившийся о неприспособленной к трудностям Пушкиной, умер от туберкулеза. После его ухода жизнь для Елены Александровны потеряла смысл. Материально ей немного помогал Бунин. Вскоре она сама заболела и умерла.

«Еще одна бедная жизнь исчезла – и чья же! – родной внучки Александра Сергеевича! Весь день грусть», – написал в своем дневнике Иван Бунин после ее смерти.

А потерянный пушкинский дневник? Может, всё это просто красивая легенда? Скорее всего, найти «дневник № 1» уже невозможно. Хотя бы потому, что сэр Николас Филипс, у которого был в гостях профессор Фридкин, умер. Смерть его была очень странной.

VII

Блистательного английского аристократа, прапраправнука Пушкина, нашли... повешенным в конюшне собственного имения Лутон Ху. Это произошло в 1991 году.

В браке с генералом Ланским у Натали Гончаровой родились еще три дочери. Дети от Пушкина и от Ланского жили единой дружной семьей. Один только факт. Наташа Пушкина вышла замуж в 16 лет. Ее избранником стал сын шефа жандармов господин Дубельт. Он оказался человеком грубым и частенько поколачивал жену. В конце концов бедняжка от него сбежала. Своих сына и дочку Наталья Александровна оставила на попечение отчима Петра Ланского.

Наталья Александровна уехала в Европу. Там ее увидел наследник престола одного из немецких герцогств Николай Нассауский и потерял голову от любви. Чтобы сочетаться браком с женщиной некоролевской крови, герцог даже отказался от престола. От этого брака на свет появились трое детей. Дочь Софья, внучка А. С. Пушкина, графиня фон Меренберг, в 1891 году вышла замуж за внука российского императора Николая I, великого князя Михаила Михайловича, и стала графиней Торби.

Породнились не только поэт и царь, но и Романовы с Ниссауской династией, правящей ныне в Люксембурге и Нидерландах. Через детей Натальи Александровны род Пушкиных оказался в родстве со многими знаменитыми европейскими фамилиями, с российским императорским и английским королевским домами.

Император Александр III брак внучки Пушкина и великого князя Михаила Михайловича не признал, и супруги навсегда обосновались в Англии. Их дочь, графиня Анастасия Михайловна Торби (все называли её леди Зиа), в 1917 году вышла замуж и поселилась близ Лондона, в великолепном поместье мужа Лутон Ху. Это поместье в графстве Бэлдфоршир – одно из самых знаменитых европейских замков.

Николас Филипс был любимым внуком леди Зиа (1892–1977), правнучки Пушкина. В 1989 году сэр Филипс решил в своем поместье Лутон Ху открыть Пушкинский музей. Купил бюст поэта работы скульптора Аникушина. Получил в подарок копию посмертной маски Пушкина. Открытие музея и освящение рядом расположенной часовни святого Николая состоялось 18 мая 1991 г. А 6-го июня, в день рождения поэта, сэр Филипс покончил с собой.

Смерть сэра Филипса наделала в свое время много шума. В одних газетах писали, что он покончил с собой, потому что оказался банкротом, в других – что его одолела депрессия. Известнейший человек Англии, блестящий финансист, крестник самой королевы – видимо, и ему чего-то не доставало. Либо была еще какая-то тайна, бремя которой он не смог больше нести.

VIII

Светлана Розенмайер, «совсем француженка», сменит фамилию, выйдя замуж за хозяина кондитерского магазинчика. В августе 44-го, во время Парижского восстания, их дом разрушат за сотрудничество с немцами, а сами они сгинут в неизвестности.

После войны Иван Алексеевич Бунин отобьет Сталину телеграмму, в которой будет всего четыре слова: «Хочу домой! Иван Бунин». Ответа он так и не получит и никогда не вернется на родину, а последний свой приют найдет на знаменитом парижском кладбище Сент-Женевьев де Буа...

Английский замок Лутон Ху пойдет с молотка за долги хозяина, а бесценные коллекции попадут в чужие руки. Долгих десять лет после смерти Николаса Филипса общество English Heritage (Английский фонд по культурному наследию), патронируемое королевой Елизаветой II, будет вести переговоры с кредиторами покойного сэра. Те хотели разбить уникальную коллекцию на несколько частей. Только благодаря имени Ее Величества удастся договориться об аренде коллекции на 125 лет. Однако кредиторы поставят условие, с которым фонду придется согласиться: крупнейшая в Великобритании частная коллекция ювелирных работ, изящные произведения византийских мастеров резьбы по слоновой кости, севрский фарфор, гобелены французских мастеров XVIII века, бронзовые скульптуры эпохи Ренессанса, а также музей русского поэта Александра Пушкина, – не будут выставлены для открытого посещения. Это значит, что еще больше века отделяет нас сегодня от тайны потерянного «дневника № 1».

Старую открытку с автографом Бунина, в которой столько загадок, я бережно храню. Подумать только: человек, который принес ее в букинистический на Арбате, возможно, близок к великой тайне – он может знать, где находится пушкинский дневник. Ведь, по логике, открытка лежала вместе с тем, что внучке поэта было дороже всего на свете. У кого это сейчас?

Еще когда я решил атрибутировать автограф, установить его подлинность, музей Бунина предлагал мне сорок рублей за открытку. Странно как: одни продают за сорок копеек, другие хотят купить за сорок рублей то, что цены не имеет.

Мне почему-то сейчас вспомнилось, как возил маму в Донской монастырь, к могиле Василия Львовича Пушкина, дяди поэта – человека, который за руку ввел маленького Сашу в мир стихов. Мы положили тогда две скромные гвоздики на его полуразрушенную надгробную плиту – бетонный осыпавшийся цилиндр...

А еще у меня дома есть журнал «Сын Отечества» за 1820 год в великолепном кожаном переплете. На форзаце – герб, два гренадера щит держат, и надпись на щите «Без лести предан», и большая черная печать «Из личной библиотеки графа Аракчеева». В конце журнала стихотворение опубликовано без подписи – знакомые с детства строки «Погасло дневное светило», одна из первых прижизненных публикаций Пушкина.

Как попал ко мне этот томик? Какие тайны скрывает он? Это отдельная история, и, может быть, я когда-нибудь расскажу и её. Одно могу с чистой совестью заявить: книга эта совсем не нужна оказалась прежнему хозяину. Иначе берег бы он бесценную реликвию пуще глаза. Поистине, что имеем – не храним, потерявши – плачем. Пусть уж лучше у меня пока полежит. Лишь бы потом все это не пропало.

Как часто мы проходим мимо, просто мимо. А ведь столько нам открытий чудных готовят просвещения век и... парадоксов друг! Главное – суметь увидеть.

...Перечитал я сейчас все это и горестно вздохнул: ни «ай да Пушкин». Плохой из меня писатель. А впрочем, ну и ладно, пусть будет так, как есть. Все равно – написанное остается.

*Не август виноват, что мне не пишется,
Что на душе, как в сумрачные дни,*

*Дожди, ветра и тоненькая книжица
Какого-то поэта о любви...*

Передали только что: осень снова будет ранней и холодной. Что ж, камин затоплю...
Приближалась довольно скучная пора...

Пушкин и Аракчеев

Другой властитель наших дум

Село Грузино – богатое, старинное. История его знаменита. Веками владел селом местный монастырь. В 1705 году, подарил Петр Великий село вместе с крепостными своему другу – светлейшему князю Александру Меншикову. Почти сто лет спустя, по восшествии на престол, император Павел Петрович пожаловал начальнику своей свиты две тысячи душ с правом выбора губернии. Генерал попросил любое имение, лишь бы поближе к родительским местам – в Бежецкой волости Новгородчины. Павел I самолично выбрал для своего фаворита бывшую вотчину князя Меншикова.

...Во второй половине мая 1799 года в Грузине появился дорогой экипаж. Все село выбежало встречать своего нового хозяина. Те, кому положено, уже знали, что две недели назад Павел Первый высочайшим указом пожаловал начальнику своей свиты графский титул. Император собственной рукой начертал на гербе 30-летнего графа девиз – «Без лести предан». И эти слова теперь красовались на щите, что держали два гренадера.

Не было никакого торжества, не стреляли пушки, как они потом будут стрелять всегда, когда граф станет приезжать в Грузино или отбывать отсюда по неотложным делам в Петербург. Не было гвардейского эскорта, который всегда будет сопровождать карету графа, когда он станет военным министром. Сейчас он молча вышел из экипажа, окинул всех беглым взглядом и, глядя прямо перед собой, прошел в дом.

Был он высокого роста, сухощавый, глаза имел суровые, блеска огненного. Одного его взгляда оказалось достаточно, чтобы люди расступились перед ним, образуя широкий коридор до самого крыльца. Спутникам графа было указано, что комнаты для приезжих готовы во флигелях, а сам праздничный обед назначен на 27 мая, в шесть пополудни.

В тот день светились все окна в большом господском доме, челядь носилась по двору. Но не было ни шумной музыки, ни танцев. Застолье было скромным, почти без вина. Никто не произносил льстивых тостов за нового хозяина имения – графа Алексея Андреевича Аракчеева. Так что день тот запомнился спокойным, тихим и теплым...

В тот же день в метрической книге московской церкви Богоявления, что в Елохове, записано:

«Во дворе коллежского регистратора Скворцова у жильца его Сергея Львовича Пушкина родился сын Александр...»

У великого поэта Пушкина и графа Аракчеева была разница в возрасте ровно в 30 лет. Они никогда не встречались друг с другом...

Не требуй от меня опасных откровений

Почему вдруг я взялся писать о Пушкине и Аракчееве? Что вообще может объединять гениального камер-юнкера с бездарным графом? «Пушкин и Аракчеев» – тему эту часто берут учащиеся гуманитарных колледжей, и все друг у друга переписывают одну и ту же пушкинскую эпиграмму:

*«Всей России притеснитель,
Губернаторов мучитель
И Совета он учитель,
А царю он – друг и брат.
Полон злобы, полон мести,
Без ума, без чувств, без чести,
Кто ж он? Преданный без лестии...»*

Последнюю строчку чаще всего отбрасывали – то ли стесняясь повторить известного матерщинника Пушкина, то ли не понимая, при чем здесь это вообще. И ты «не требуй от меня опасных откровений» – всему свое время. Потом убедишься, что Пушкин прав был: всех притеснял «губернаторов мучитель и друг царю», а перед дешевой девкой он робел...

Обвиненный Пушкиным в «крайней узости ума», Аракчеев так и остался в веках «душителем свободы». А Пушкин – «нашим русским всё». Один плохой, другой хороший, один серый, другой белый... Ах, как распевно и мягко, как рифмованно звучит:

«Пуш-кии-нии-аанааа». И как сутуло и жестко, словно старческий кашель: «аракчевщина». Причем одно с прописной буквы, а другое – со строчной, поменьше. Но вот вопрос: а не заставляли ли нас со школьной скамьи думать об одном лучше, чем он есть, а о другом – не думать вовсе?

«Они любить умеют только мертвых». Мы с мамой вспомнили эту пушкинскую строчку у могилы Василия Львовича, дяди поэта. Того самого, который привез в лицей и, собственно, сделал маленького Сашу великим поэтом – своими связями, своими стихами, своей любовью к племяннику. Стояли у его могилы на Донском кладбище и удивлялись, что никому не нужен этот забытый холмик. Вон рядом Чаадаев лежит под черным мрамором весь в цветах, и посетителей полно, а тут полуразвалившийся цилиндрок с едва заметными буквами – и никого, кроме нас.

Зная мамину любовь ко всему, что так или иначе связано с Пушкиным, я как-то пообещал ей, что напишу об Аракчееве. О нем и о Пушкине. Почему в таком соседстве? Потому что стоит у меня на книжной полке томик «Сына Отечества» за 1820 год. В прекрасном кожаном переплете, с золотым тиснением. На обороте форзаца – владельческая запись выцветшими чернилами: «Из личной библиотеки графа А. А. Аракчеева». И экслибрис – два гренадера герб держат, на котором начертаны слова «Без лестии предан».

В этом томике «Сына Отечества» напечатана элегия «Погасло дневное светило» – одна из первых журнальных публикаций великого поэта, еще без подписи. Вечно гонимый Пушкин был тогда в южной ссылке. А граф Аракчеев выписывал в свою деревню Грузино лучшие журналы, читал и прозу, и поэзию, собственноручно надписывал книги, нумеруя их.

Как попал ко мне этот томик? Могу с чистой совестью заявить: книга эта совсем не нужна оказалась прежнему хозяину. Да и не было, думаю, настоящего хозяина у этой реликвии.

Граф Аракчеев не оставил наследников. После его смерти в 1834 году император Николай I своим указом повелел: «Грузинскую волость отдать навсегда в полное и нераздельное владение Новгородскому кадетскому корпусу, дабы доходы ее шли на воспитание юношей».

Новгородскому гр. Аракчеева кадетскому корпусу (так он стал именоваться) передавалось и все движимое имущество покойного, в том числе библиотека (более 10 тысяч томов) и редкие вещи – медали, портреты, рескрипты императоров Павла I и Александра Павловича.

После графа остался обширный архив, насчитывавший тысячи единиц хранения общим объемом около 50 000 листов. Часть бумаг была распределена по различным министерствам и ведомствам, остальная отправлена Николаю I, который распорядился уничтожить всё, касающееся императорского дома. Таким образом, наиболее интересная часть огромного архива погибла. На сегодняшний день имеется несколько фондов, в которых сосредоточены документы, связанные с жизнью и деятельностью графа А. А. Аракчеева.

Графская библиотека тоже оказалась раздробленной. Часть оказалась в Новгородской и Псковской губерниях, часть попала в Санкт-Петербург и Москву, что-то погибло во время революций, что-то разошлось по разным архивам необъятной нашей родины и надолго осело в библиотечных подвалах, где обычно хранят свое богатство отделы редких книг.

Лет двадцать назад в одной из таких провинциальных библиотек прорвало ночью трубы. Все книги в подвалах были залиты водой. Их пытались спасти, выбрасывая прямо на снег через окошки. Но оказалось, что эти горы книг никому и не нужны вовсе. Утром пришел бульдозер и сгреб всё в кузова самосвалов. Вот так часть графской библиотеки оказались на городской свалке – никакого криминала, никаких «опасных откровений».

Кстати, библиотека та находилась на улице Пушкина. Но это просто совпадение, не более того. А вот то, что названия всех глав данного моего «художественно-исторического исследования» взяты из Александра Сергеевича Пушкина, – не случайность, это вы понимаете.

Но это зеркало мне льстит

Как ни странно, портретные описания великого поэта Пушкина и «душителя свобод» Аракчеева удивительно похожи. Мне нравится анекдот, как Чарльз Дарвин приехал в Царское Село читать свои лекции о происхождении видов. Увидав лицеиста Пушкина, Дарвин воскликнул:

– О, вот оно, наглядное доказательство справедливости моей теории! Эта особь еще не до конца произошла от обезьяны, хотя прогресс уже налицо!

Словом, «заметил и, в гроб сходя, благословил».

Пушкин, кстати, ничуть не обиделся: он и тогда знал, что именно он и есть та самая обезьяна, от которой произошел русский народ. Потому что Пушкин – это наше всё.

Что великий поэт был похож на обезьяну – это не я придумал. Перечитайте его ранние стихи, архивные свидетельства, благо они опубликованы массовыми тиражами. Практически всё, что касается жизни Пушкина, уже напечатано. Хотя двадцать лет назад подобных книг просто не было по умолчанию. А теперь говорится во всех изданиях: лицом чёрен, родом из Эритреи, то бишь Эфиопии. Очень талантливая, очень приятная во всех отношениях, и потому очень даже симпатичная обезьяна – как на взгляд женщин любого поведения, так и самых суровых исследователей.

Аракчеева современники описывали тоже приматно. «По наружности Аракчеев походил на большую обезьяну в мундире», – так точно и прямо писали о нем многие исследователи. Естественно, после смерти графа – при жизни никто бы не осмелился. Про него также писали, что он был высокого роста, худощав и мускулист, с виду сутуловат, с длинной тонкой шеей, по которой можно было бы изучать анатомию жил и мускулов.

Он как-то особенно морщил подбородок, двигая им словно в судорогах. Уши у него были большие, мясистые. Толстая безобразная голова, всегда несколько склоненная набок. Цвет лица был у графа земляной, щеки впалые, нос широкий и угловатый, ноздри вздутые, рот большой, лоб нависший.

Глаза у него были впалые, серые, хотя взгляд казался «огневым». «Физиономия его представляла страшную смесь ума и злости», – это я уже цитирую одного из тех, кто после его смерти с удовольствием пинал всемогущего царедворца только за то, что в свое время тот был всемогущим.

Аракчеев долго носил камзол старого покроя, и волосы его были подобраны в небольшой пучок на затылке. В начале 1800-х годов камзол был вытеснен из дворянского обихода жилетом. Пучок или коса, на ношении которых настаивал Павел I, в 1803 году стали редкостью: мужчины стриглись, завивали волосы. Аракчеев тоже стал носить короткую причёску, но в целом остался верен моде любимой своей эпохи Павла Петровича.

Холодный, пронизательный его взгляд и строгое выражение лица не смягчались сардонической улыбкой, которая появлялась порой у него на губах. Он говорил медленно, немного в нос, хотя совершенно не дружил с французским языком. Он казался постоянно озабоченным. Но упаси вас Господь спросить его, чем это он так озабочен. Несдобровать вам, не поймет всемогущий царедворец, о чем можно ликовать, когда кругом в стране творится такое, когда не угадаешь, что будет завтра...

Презреть бы твое предсказанье

Зимой 1817–1818 гг. в Санкт-Петербург приехала известная гадалка, немка Кирхгоф. К ней ездили все узнавать будущее.

Очередь дошла и до Пушкина. Немка разложила карты и, коверкая русский язык, рассказала всю судьбу поэта. Во-первых, он скоро получит деньги, и ему будет сделано неожиданное предложение. Еще он прославится и будет кумиром соотечественников, хотя дважды подвергнется ссылке. В-третьих, он проживет долго, если на 37-м году не случится с ним никакой беды от белой лошади, белой головы или белого человека, которых он и должен пуще всего опасаться.

Первое предсказание о деньгах сбылось в тот же вечер. Пушкин, воротясь домой, нашел совершенно неожиданное письмо от лицейского товарища, который возвращал карточный долг, давно забытый поэтом. Такое быстрое исполнение первого предсказания сильно поразило Александра Сергеевича. А несколько дней спустя князь Орлов неожиданно предложил ему пойти на службу в конную гвардию. Именно после этого, по признанию самого Пушкина, он и вспомнил о немецкой гадалке: «Теперь осталось сбыться лишь третьему предсказанию».

В книге «Портреты заговорили» Н. Раевский пишет, что чувство Пушкина к Наталье Николаевне за долгие месяцы сватовства несколько поостыло. Ряд надежных свидетельств говорит о том, что под венец он шел неохотно, почти по обязанности. Более того, извещая Вяземских о своей свадьбе, поэт признается, что сердце его остается несчастливым. Что это? Предчувствие?

Как известно, Пушкин венчался «в приходе невесты у Большого Вознесения». Во время венчания, когда молодые шли кругом, нечаянно упали с аналая крест и евангелие. Пушкин побледнел, словно мел. Потом у него потухла свечка. «Всё плохие приметы», – сказал он. Перед собой он видел только лицо Натали, закрытое белой фатой. Со звоном покатилося кольцо...

«От белой лошади, белой головы или белого человека». Так, может, причина роковая будет не одна, а целых три разных? И значит, его судьба предрешена? Ведь именно так, «решением судьбы» он назвал свою женитьбу на Наталье Гончаровой. Выходит, не обманула гадалка десять лет назад?

Вернемся немного назад. В 1828 году Пушкин делает предложение Екатерине Ушаковой, и та соглашается выйти за него замуж. Но происходит непредвиденное. Перед свадьбой поэт идет к известной московской «гадальщице», которая предсказывает, что «он умрет от своей жены». Чем дело кончилось со сватовством – известно. Ушакова отказала ему. А спустя три года она писала о Гончаровой: «Вижу в ней чистилище немалых бед».

И Екатерина Ушакова, и Долли Фикельмон, которую за дар предвиденья называли Сивиллой Флорентийской, сразу увидели в Наталье Гончаровой причину будущего несчастья для поэта. Понял это в момент венчания и Пушкин. «Плохие приметы» начали отсчет исполнения последнего из трех предсказаний немецкой гадалки Кирхгоф. Конец его отныне становился все ближе и ближе...

Нас возвышающий обман

Аракчееву в юности тоже гадала цыганка. Он еще числился в кадетах, но скоро должен был получить первый офицерский чин, такой же, как у папаши, – поручик. И раскинула гадалка карты, и сказала то, что никогда никому не говорила, да и он ни от кого такого не слышал никогда: «Красавец ты мой сладкий, а ты ведь почти царем будешь – карты не врут...»

Не обманула цыганка. Простой кадет возвысился до «и. о. императора». И в жизни Аракчеева будет немало поистине фатальных эпизодов, которые вполне могли изменить ход российской истории и «нашего русского всё».

В первый раз это случилось при Павле I. В канун переворота император, почувствовав измену, вспомнил об опальном Аракчееве и вызвал его из Грузино в столицу, намереваясь вновь призвать на службу. Если бы Аракчеев оказался в столице, заговор против императора не имел бы никаких шансов. Но военный губернатор Петербурга, один из организаторов покушения, граф Пален приказал любыми путями задержать Аракчеева на заставах, и тот не попал во дворец. «Не случись этого, Павел I и поныне сидел бы на престоле», – писал Н. И. Греч, издатель журнала «Сын Отечества».

Второй фатальный случай произошел в конце лета 1825 года. Аракчеев жил безвылазно в своем имении, когда Александру I поступил донос на тайное общество, готовящее государственный переворот. Царь немедленно поручил Аракчееву возглавить весь розыск и арестовать участников заговора. Унтер-офицер Иван Шервуд, предавший будущих декабристов, отправился с докладом к нему в Грузино. Аракчеев мигом придумал, как взять главных заговорщиков с поличным. Но его плану не суждено было свершиться: случилась трагедия, и граф тяжело заболел. Без него ничего не делалось, никто не был арестован. А потом Александр I умер, и декабристы вышли на площадь. Случись по-другому – и никто не разбудил бы Герцена...

Удивительно, но даже в этих двух эпизодах выявилась та роль, которую Бог уготовал Аракчееву и с которой он справлялся совершенно блестяще. Всю свою жизнь он был ревностным слугой престола, умным и деятельным проводником царских чаяний, но никогда – самостоятельным политиком, вершителем судеб. На перекрестках истории перед великими людьми открываются бездны, но, верные себе, они спокойно перешагивают их и идут предначертанным свыше путем. От одного их слова зависят порой сотни судеб. И слово это бывает произнесено, и тогда жизнь другого человека складывается совсем иначе.

Так, трижды Аракчеев, порой и сам того не ведая, спасал Пушкина от верной ссылки в Сибирь или даже виселицы. Первый раз в 1818 году, второй – спустя два года, третий – в том самом 1825-м. Это не ушастый заяц перебежал дорогу поэту. Это ангел-хранитель ненароком сделал всё так, чтобы великий поэт остался в далекой псковской деревне, как и сам благодетель остался в своем новгородском имении. И оба просидели одиноко всю ночь, глядя на пламя догорающих свечей и проклиная свою судьбу: «Черт догадал меня родиться в России с душою и талантом...»

Они никогда не встретятся, но всегда будут идти по жизни рядом.

И в Летний сад гулять водил

То, что окружает ребенка в первые годы его жизни, чаще всего остается в нем навсегда. Ребенок может растратить полученное в отрочестве, может не прислушаться к тому, что было, и забыть своих нянек со всеми их сказками. А может всю жизнь носить их в душе и помнить – «что за прелесть эти сказки!» И развивать, и придумывать свои, и рассказывать их на сон грядущий своим уже детям...

У Пушкина и Аракчеева детство было разное. Какое у Пушкина – знают все. И как годовалый кудрявый мальчик в новогоднюю ночь выполз из детской в гостиную, где чуть ли не весь высший свет Москвы собрался встретить 1800-й год. Пенилось шампанское, сверкали сотни свечей в огромных зеркалах, и от души смеялись гости над милой шалостью сына хозяев, предрекая ему в новом веке чинов и богатства.

Знают все, и как гувернёры учили маленького Александра французскому и прочим наукам, и как в Летний сад гулять его водили. И как из года в год, где бы ни жили Пушкины, собиралось у них весьма представительное общество. Дядя будущего поэта Василий Львович был весьма популярен в литературных кругах, к нему тянулись, его стихи ходили в списках. Сергей Львович старался брату не уступать и тоже писал, и его тоже слушали на званых вечерах. Собирались у Пушкиных и историки, и писатели, и военные – фамилия была известная, хотя и не самая богатая по Москве.

Назвать бедными столбовых дворян Пушкиных язык не повернется. Маменька поэта имела от рода Ганнибалов подмосковное Захарово и земли в Псковской губернии, папенька – в Нижегородской. У папеньки 2 000 душ в Болдине; даром, что титулом княжеским или графским обойден, а по числу крепостных мало кому из них уступит. Для сравнения: Екатерина II в свое время Потемкина решила на всю жизнь озолотить, так 20 тысяч душ ему пожаловала. И тогда, заметьте, только мужицкого полу души считались, баб и девок в расчет никто не брал. У отца будущего графа Аракчеева было всего 20 душ, в сто (!) раз меньше, чем у Сергея Львовича Пушкина.

23 сентября 1769 года в семье бедного дворянина, отставного гвардии поручика, владельца крохотной деревеньки в Бежецком уезде Новгородчины родился мальчик, нарекли Алексеем. Его отец, Аракчеев Андрей Андреевич, служил в Преображенском полку, вышел в отставку в чине поручика с правом ношения мундира. От долгого и счастливого брака с Елизаветой Андреевной Ветлицкой у него было 11 детей: семеро сыновей, четверо из которых умерли в младенчестве, и четверо дочерей, ни одна из которых также не дожила до взрослых лет.

Сохранилась записка великого князя Павла Петровича к Аракчееву с соболезнованием по поводу кончины его отца в августе 1796 года: «Зная мое расположение к тебе, ты не можешь сомневаться об участии моем, тем более что я его знал твоего отца как человека доброго. Боже, утеши тебя!»

Хлеба в доме Аракчеевых хватало всегда, не голодали, но чтобы званые обеды для соседей-помещиков с шампанским и чтением стихов – этого никогда не бывало в семье. Даже пошить новый мундир отец не мог себе позволить. Жили очень скромно, по копейке откладывая на давнюю мечту – сделать Алексея офицером. Первенца своего отец с матерью хотели видеть продолжателем семейной традиции. Так и получится, как они мечтали с Елизаветой Андреевной – все три сына станут генералами: Алексей – военным министром, Петр – флигель-адъютантом императора Александра I, Андрей – комендантом Киева...

Осенью 1782 года Аракчеевы продали практически всю скотину и весь урожай. Вырученных денег было явно недостаточно – набралось сто рублей с копейками. Но на семейном совете решили все-таки ехать. Отец запряг лошадь, сам сел за кучера и повез Алексея в столицу. Он

понимал, что ни в гвардии, ни в гусарах сыну не служить. Единственное место, куда можно было попытаться хоть как-то определить отпрыска – кадетский корпус. Не пажеский, конечно, а артиллерийский, инженерный. Там желающих поменьше, и вступительные экзамены не такие строгие. У Алексея же не было никаких нянек и гувернеров, грамоте его учил по псалтырю деревенский дьяк.

Прибыли в Санкт-Петербург, остановились на самом дешевом постоялом дворе, словно знали, что жить в столице придется им долго. Какие уж тут прогулки по столице – не до гуляний по Летнему саду! Как они вообще тогда выжили, никто теперь не узнает. Накопленные сто рублей были внесены сразу же, но тут выяснилось, что для немедленного зачисления в данное учебное заведение требуется двести рублей. Ходатайство о льготном приеме Алексея отец подал в тот же день, потом каждый день справлялся, но ответа все не было и не было... Прошел месяц, другой. Наступила зима. Денег не осталось ни копейки. Вот тогда будущий граф впервые узнал, что такое голод. Слава Богу, что не гнали еще со двора, хоть крыша над головою была. Отец продал сначала лошадь, потом свой потертый мундир. Потом дошла очередь и до теплой одежды. Выходить на улицу стало не в чем. Он согревал сына своим телом. Но каждое утро, закутавши голову платком, бегом мчался в канцелярию училища спросить о судьбе своего ходатайства. Ответа все не было. Был бы отказ – вернули бы сто рублей, и тогда можно возвращаться домой и не мечтать больше об офицерском будущем. А раз не было отказа, оставалась хоть какая-то надежда...

Позволю себе здесь напомнить, как Александр Пушкин поступал в лицей. Его привез в Царское Село известный в столице дядя-поэт. Это был первый набор в новое учебное заведение, которое поначалу планировалось исключительно для сыновей императора и самых именитых дворян. Потому-то и решено было послать Василия Львовича, который для пущей важности и убедительности запасася дворянской родословной племянника своего. И когда Саша с блеском прошел вступительное собеседование и был зачислен, на радостях повез его прощаться с Невским, с Зимним дворцом, и они долго еще бродили по Летнему саду. Дядя читал племяннику свои стихи, и оба мечтали о фамильной славе Пушкиных...

Отец и сын Аракчеевы прожили без копейки почти год. Когда стало в Петербурге теплее, бывший поручик ходил просить милостыню – чаще всего в Летний сад, оттуда гоняли, но там и подавали чаще. На пасху, когда в Лавре одаривали неимущих, пробился к митрополиту и сказал свою беду. Получил три рубля серебром, которых хватило на два месяца. Ответа из канцелярии все не было.

В июле они уже не могли боле терпеть и пришли в училище вдвоем – исхудавшие, грязные, оборванные. Как вспоминал Аракчеев, отчаяние придало ему храбрости, и, увидев, как генерал спускается по лестнице, он бросился к нему в слезах:

– Ваше превосходительство! Примите меня в кадеты, иначе мы с отцом-поручиком умрем оба с голоду! Узнав, когда было подано прошение, генерал начертал записку в канцелярию о приеме Алексея в кадетский корпус. Спустя многие годы граф называл этот день – 19 июля 1783 года – самым счастливым в своей жизни. Так же, как и для Пушкина, самый главный день – 19 октября 1811 года.

В этих цифрах, в датах всей жизни у Пушкина и Аракчеева просматривается очень интересная математическая закономерность. Если проверять «алгеброй гармонию», можно увидеть, как быстро исчезает их разница в возрасте. Родились они с интервалом ровно в тридцать лет, а потом Пушкин со все увеличивающейся скоростью «догоняет» графа. В лицей он поступает в 12 лет, а будущий военный министр – в 14. Поэт закончил свою учебу в 17 лет, а Аракчеев – почти в 20.

Это говорит только об одном. Пушкин жил стремительно, сжигая себя. Как на фронте, год за два шел у него. И прожитые его 37 лет – это все равно что для среднего человека обычная

жизнь длиною в 74 года с последним причастием в кругу семьи. Такая жизнь – не для поэта Пушкина. По нему лучше один раз напиться живой крови, чем триста лет небо коптить.

О своем будущем провидец Пушкин писал: «И долго буду тем любезен я народу, что чувства добрые я лирой пробуждал...»

Аракчеев написал почти так же, только не в стихах: «В жизни моей я руководствовался всегда одними правилами – никогда не рассуждал по службе и исполнял приказания буквально, посвящая все время и силы мои службе царской. Знаю, что меня многие не любят, потому что я крут, да что делать? Таким меня Бог создал! Утешаюсь мыслью, что я был Отечеству полезен».

Похожи они были все-таки или полные были антиподы? По-моему, что-то есть у них общее, потому и оказались связаны их жизненные пути, хоть и не встречался никогда генерал-аншеф с камер-юнкером. Аракчеев говаривал: «У меня камер-юнкерствовать не можно. Я педант, люблю, чтобы дела шли порядочно и скоро, а любовь своих подчиненных полагаю в том, дабы они делали свое дело».

Каждый из них – и Аракчеев, и Пушкин – делал свое дело. Разный у них был статус при жизни, а нынче – и подавно разный. Я только пытаюсь их примирить, не более того.

Ученый малый, но педант

Учились они по-разному, и успехи имели почти противоположные. Пушкин в лицее был отъявленный шалопай, на табели его без слез не глянешь, там что-то среднее между «удовлетворительно» и «крайне слабо». Кроме, естественно, изящной словесности, французского языка и фехтования. Из тридцати выпускников лицея в 1817 году он единственный получил последний, десятый классный чин. Соответственно, и на службу был назначен на самую низшую должность. Аракчеев же был «отличный кадет как по наукам, так и по поведению». Нелюбимый, щуплый, неразговорчивый, попавший на казенный кошт и постоянно помнивший об унижениях отца, Алеша Аракчеев все годы учебы вынужден был сносить насмешки одноклассников. Но мальчик с юных лет усвоил: старших должно слушаться. Другие кадеты шалят, иного так и хочется наказать, но нет пока ему такой воли.

Одаренный умом и волею, он с ребячества умел укрощать порывы врожденной своей злости: не только покорялся высшим над собою, но, кажется, любил их власть, видя в ней источник, из коего единственно мог он почерпнуть собственную славу. Не занимаясь иностранными языками, пренебрегая историей и словесностью настолько, что плохо выучился русской грамоте, совершенно чуждый всему изящному, молодой кадет любил всё только расчетливое, точное, прилепился к наукам математическим и в них немало усовершенствовался.

На аттестации отмечались его блестящие успехи в военно-математических дисциплинах, к гуманитарным же «не имел особенно склонности». Семилетний курс обучения Аракчеев преодолел досрочно. Был награжден «серебряной вызолоченной медалью». Как лучший ученик выпущен из корпуса в звании поручика (в те времена это было исключительным явлением) и оставлен при учебном заведении преподавателем математики и артиллерии.

В преподавательской работе 20-летний поручик добился немалых успехов. Все проверяющие отмечали отменную дисциплину на его уроках. Он написал несколько учебных пособий, инструкций для артиллеристов, занимался вопросами устройства школы для юнкеров и прапорщиков, включая разработку учебных программ. Следовательно, без всякой натяжки можно говорить о его заслугах в развитии военного образования в России.

В 1790 году Аракчеев стал частным учителем сына знатного екатерининского вельможи – президента Военной коллегии графа Н. И. Салтыкова. Одновременно назначен командиром в артиллерийскую роту, которая потехи ради была дана наследнику престола и находилась при нем в Гатчине. Там Аракчеев и встретил смерть императрицы.

«Конец ее царствования был отвратителен, – писал Пушкин о Екатерине Великой. – Все негодовали; но воцарился Павел, и негодование увеличилось. Царствование Павла доказывает одно: что и в просвещенные времена могут родиться Калигулы». Не любил поэт этот период. Хотя далеко не все так же думали. Возвращенный из сибирской ссылки А. Н. Радищев назвал эти времена иначе и, пожалуй, точнее: «Столетье безумно и мудро».

Взлет карьеры Аракчеева произошел после одного случая. Павел принимал в Гатчине очередной парад. Покинув смотр, царь забыл отдать приказ «разойтись». Некоторое время части продолжали стоять на плацу, а потом постепенно разошлись. Одна только рота Аракчеева осталась. Так и стояла до вечера по стойке смирно, пока не доложили о происшествии Павлу. Так Аракчеев был замечен престолонаследником и получил его особую доверенность. При вступлении на царствование Павла I Аракчеев был подполковник, через два дня после того – генерал-майор. Вскоре он занимал уже сразу три должности: коменданта Гатчины и Петербурга, командира Преображенского полка и генерал-квартирмейстера всей армии.

Как-то император решил дать особое поручение Аракчееву: наблюдать за наследником своим, бабушкиным баловнем, и доносить обо всех его проступках. Вот как ответил на высочайшее распоряжение будущий граф:

– Умоляю Ваше Императорское Величество избрать для этого кого-нибудь другого. Я же к такому делу не способен и не могу быть орудием несогласий между отцом и сыном...

Одна такая фраза могла означать конец блестящей карьеры. Однако никаких репрессий не последовало. По-прежнему граф был удостоен государевой милости. Вседневные рапорты с пяти часов утра граф подносил императору лично. Иногда какие-то бумаги должен был подписывать наследник, и комендант Аракчеев отправлялся в его спальню. Александр Павлович был уже женат к тому времени, и супруга его Елизавета Алексеевна, бывшая принцесса Баден-Дурлахская, закрывалась с головой одеялом, чтобы граф ее не увидал. А императору комендант всегда докладывал, что наследник уже встал и работает над бумагами, хотя тот еще нежилась в постели. Ни разу не предал, не подставил великого князя – и потом это ему зачтется...

Казалось, суровость была дана ему от природы. Он никогда не смеялся и казался бульдогом, который, не смея никогда приласкаться к господину, всегда готов напасть и загрызть всех, кои воспротивились бы воле хозяина. Жесток и беспощаден был этот суровый и всесильный человек.

Однако, как утверждает писатель и историк В. А. Сухово-Кобылин, потомки слишком строги в своем приговоре Аракчееву, они даже строже, чем он сам был в жизни. «Неоспоримо, – пишет он, – что Аракчеева было бы странно назвать человеком добрым. Он был неумолим ко взяточничеству или нерадению по службе. Тому, кто пробовал его обмануть (а обмануть его было трудно, почти невозможно), он никогда не прощал; мало того: он вечно преследовал виновного, но и оказывал снисхождение к ошибкам, в которых ему признавались откровенно, и был человеком безукоризненно справедливым; в бесполезной жестокости его никто не вправе упрекнуть».

Аракчеев был «деятельности неутомимой». Во время походов, лишь только армия занимала дневные квартиры, его канцелярия мигом принималась за дело. От его зоркого глаза не ускользала ни одна, даже самая мелкая проблема вверенного ему министерства. Бездельников он не терпел.

Россию поднял на дыбы

Только что взошедший на престол Павел I встретил прибывшего в Зимний дворец Аракчеева словами:

– Смотри, Алексей Андреевич, служи мне верно, как и прежде. Со временем я сделаю из тебя человека.

Затем призвал старшего сына Александра и соединил их руки, напутствуя:

– Будьте всегда друзьями и помогайте мне!

Аракчеев любил вспоминать, как в тот день великий князь и наследник Александр отдал ему свою рубашку, чтобы тот сменил забрызганную грязью одежду. Эту рубашку граф свято хранил до конца своих дней.

После коронации Павел I провел некоторое время в Москве, а вскоре предпринял осмотр западных губерний России. В путешествии его сопровождал и Аракчеев. Сохранилась записка наследника Александра к Аракчееву в связи с этим назначением: «Друг мой Алексей Андреевич! Я пересказать тебе не могу, как я рад, что ты с нами будешь. Одно у меня беспокойство – это твоё здоровье. Побереги себя ради меня».

Осенью 1796 года Аракчеева производят в генерал-майоры и назначают комендантом Петербурга, затем – начальником свиты Его Императорского Величества. Император Павел, как известно, запросто возвышал и так же легко удалял в опалу. В 1798 году император уволил Аракчеева «без прошения в отставку». Через неделю он возвратит его на службу, назначит инспектором всей артиллерии и возложит на него обязанность отдавать «предварительные распоряжения по армии» от своего имени. 5 мая 1799 года Аракчеев получит графский титул «за отличие, усердие и труды, на пользу российского Отечества подъемлемые». В качестве подарка он получит село Грузино с двумя тысячами душ. А спустя пять месяцев по лживому доносу вновь будет отправлен в отставку – на долгих четыре года, за которые молодой граф создаст в своем имении по красоте и архитектуре вторую Гатчину, второе Царское Село, а может быть, и второй Версаль.

«Алексей Андреевич! Имея нужду видеться с вами, прошу приехать в Петербург». Записку такого содержания спустя ровно месяц после восшествия на трон, 23 апреля 1803 года, Александр I отправил в Грузино. Так начался второй виток карьеры Аракчеева, вскоре ставшего фактически вторым лицом в государстве и единственным, кому государь безоговорочно доверял. С 1812 года Аракчеев был единственным докладчиком у императора по военным, дипломатическим вопросам, управлению и снабжению армии. Целое десятилетие любое важное лицо, нуждавшееся в аудиенции императора, сперва должно было явиться к Аракчееву, а тот уже докладывал Александру I. Через него шли и все назначения высших сановников империи.

По окончании войны с французами Александр I подолгу жил за границей, и Аракчеев стал играть особую роль в управлении империей. Он безукоризненно выполнял все решения императора, касались ли они реформ в армии, военных поселений или проекта освобождения крестьян. Это время, когда он был «и. о. императора», позднее и называли потомки «аракчеевщиной».

Тираны мира! Трещите!..

В 1818 году царь поручил Аракчееву разработать проект отмены крепостного права.

Проект графа предусматривал поэтапный выкуп в казну помещичьих имений с наделением всех помещичьих крестьян и дворовых людей двумя десятинами на каждую ревизскую душу, помещики же получали бы за освобождаемых крестьян деньги. Эти идеи в дальнейшем были, по существу, положены в основу крестьянской реформы 1861 года. Я не хочу, конечно, сказать, что Аракчеев покруче Чаадаева или тех же декабристов. Но факт остается фактом: его идеи оказались настолько революционными, что весь проект графа был немедленно засекречен.

В том же самом 1818 году вчерашний лицеист Пушкин, наслушавшись всяких антикрепостнических высказываний во время ночных посиделок с друзьями за карточным столом, много раздумывает на ту же тему. Как и сиятельного графа, как и новых петербургских друзей, поэта волнует, когда же кончится это «барство дикое».

Сказать по правде, волнует это его совсем не потому, что он революционер до мозга костей и в 19 лет готов «кишкой последнего царя последнего попа удавить», чтобы только русский крестьянин жил свободно и независимо. Он такой же помещик, как и все его друзья. Как его отец и мать, как дед и прадед. И сейчас, и позже для Пушкина крепостные – это просто дворня, няня с ее чудо-сказками да верный слуга Никита, который, если что, и в последний путь проводит. Больше поэта никогда не интересовало. Перечитайте еще раз, везде одно и то же: «Я крикнул шампанского. Подали шампанское». Народ у него, по-моему, всегда безлик, всегда безмолвствует.

Однако тогда, в 1818 году, было модно фрондировать, рассуждать за столом о свободе вообще и о вольности народа, в частности. Свобода, равенство, братство – это были осколки Великой французской революции, ранившие тех молодых людей, которым не довелось повоевать. О, свобода! Впрочем, о чем ещё они могли мечтать в таких тесных лосинах и мундирах...

Так или не так, но дальше идет сплошная классика, вызубренная нами со школьных лет. Пушкин пишет оду «Вольность», за что царь ссылает его в ссылку. Если бы не друзья молодого поэта, его отправили бы в Сибирь, где он до конца жизни «хранил бы гордое терпенье». Скорей всего, и не было бы «нашего русского всё». Но друзья заступились, упростили государя, тот смилостивился, и Пушкин оказался хоть и в ссылке, но на юге.

Судьба, скажете вы? А вот и нет. Счастливая случайность на этот раз имела вполне конкретное имя, и звали ее не Карамзин с Жуковским, а граф Алексей Аракчеев. Прошу не забывать, что по своим временам это был очень образованный человек. По крайней мере, в ближайшем царском окружении. Да, не знал французского и прочих языков, да, имел за спиной всего кадетский корпус. Но зато каждый божий день начинал граф с чтения свежих газет и новых книг. Не по долгу службы, интереса ради читал и то, что ходило по Санкт-Петербургу в рукописных списках.

Так что с одой «Вольность», с «Деревней» и другими стихами вольнодумного поэта он был знаком. И в 1818 году не он докладывал царю, что вчерашний выпускник лицея Пушкин крамолу пишет – это дело Бенкендорфа, а жандармов генерал Аракчеев никогда не жаловал. Но при докладе сем присутствовал, и когда государь спросил подробностей, никто из тайной полиции ответить не мог, что за крамола – не знали слов или побоялись произнести страшное: «Тираны мира! трещите!..»

И в наступившей тишине вдруг раздался хрипловатый голос Аракчеева, стоявшего по своему обыкновению у окна царского кабинета:

«Приди, сорви с меня венок,

*Разбей изнеженную лиру...
Хочу воспеть Свободу миру,
На тронах поразить порок...»*

Он не стал читать до конца. Царь долго молчал и смотрел на него, легким движением руки отпустив с доклада всех остальных.

– Ты знаешь его стихи? И каковы же они? – наконец, спросил Александр.

– Ваше Императорское Величество! Стихи г-на Пушкина знает весь Петербург, потому как они ходят в списках. Этот отрок и талантлив, и уже популярен чрезвычайно. И то, и другое мешает просто взять и высечь его, хотя того стоило бы. Но из гадкого щенка может вырасти очень породистая собака, которая и службу будет знать, и границы охранять станет на дальних подступах. Ей бы только солнца побольше, чтоб не зачахла...

– Стало быть, по-твоему, не казнить отрока и не в Сибирь его, а, наоборот, на юга полуденные? – нахмурился царь.

– Мой государь, вы, как всегда, приняли мудрое решение, – поклонился императору Аракчеев.

– Сколько я тебя знаю, Алексей Андреевич, не перестаю удивляться твоей прозорливости, иногда настолько, что начинаю побаиваться тебя! – улыбнулся царь, довольный, что быстро разрешилось то, что могло вылиться в кровавую драму.

– Вам ни к чему побаиваться того, кто предан вам до последнего вдоха, – снова поклонился царю Аракчеев. – Мне не было двадцати лет, когда я впервые имел счастье лично познакомиться с вами – столько же и Пушкину сейчас. И никому не дано знать, что из отрока сего вырастет...

Это был первый случай, когда Аракчеев спас великого поэта от верной каторги или чего еще похуже. Первый, но далеко не последний. Второй раз это случится в 1820 году, когда граф Воронцов пожалуется на поэта царю, а Аракчеев скажет, оскалась какой-то загадочно-счастливой улыбкой:

– Государь, кто влюблен, тому многое может проститься!

– Похоже, вам обоим многое прощается, – ответит сурово император, но тут же возьмет перо и отправит уволенного со службы поэта не в сибирскую ссылку, как собирался, а «на постоянное жительство в село Михайловское Псковской губернии под надзор местного начальства и родителей поименованного выше г-на Пушкина».

Чистейшей прелести чистейший образец

Пушкин оставил после себя десять гениальных томов и четверых детей. Несмотря на «донжуанский список» и массу слухов о своих побочных детях, великий поэт заставил нас поверить, что единственной и неповторимой его любовью была Наталья Николаевна Гончарова – «чистейшей прелести чистейший образец».

Пушкин погиб в 37 лет. Аракчеев в 37 лет только женился. Граф не оставил ни перечня донжуанских подвигов, ни детей. В его жизни было две женщины. Первую, свою жену он, наверное, смог бы полюбить, если б она явила собой «чистейший образец» его мыслей и представлений о преданности. И кто знает, может, совсем не так сложилась бы его судьба, и совсем не такое негативное мнение он оставил бы о себе потомкам.

Он не искал чинов в приданое, как вообще никогда и не от кого не искал чинов и наград. Он просто хотел семейного счастья, которое в его представлении означало, прежде всего, взаимное уважение.

«Любовь и дружба ее есть единое мое исканное в ней благополучие, чего я единственно прошу от Всевышнего, а без оно, по чувствительному моему характеру, я не могу быть здоров и счастлив». Так писал он о своей избраннице незадолго до свадьбы.

4-го февраля 1806 года Аракчеев обвенчался с Натальей Федоровной Хомутовой, дочерью малоизвестного генерал-майора, занимавшегося рекрутским набором. В тот же день ново-явленная графиня получила по императорскому указу Екатерининский орден 2-й степени – одну из высших «женских» наград Российской империи.

Наверное, сидя «на золотом крыльце», царь с царицей думали, что самый лучший подарок на свадьбу молодой женщине – фрейлинский статус. Он давал право без приглашения появляться при дворе, посещать все балы в высшем свете. Короче, открывал любые двери – танцуй хоть до упаду. Можешь с мужем, можешь одна – никто с тебя не спросит, никто не осудит.

Чем закончилась для Натали Гончаровой и ее мужа эта «фрейлинская» безудержная свобода, мы все знаем. А как она начиналась, почему-то забываем. Мать поэта вела в то время хронику жизни своей. «Александр в деревне, – пишет она 13 февраля 1834 года. – Его сделали камер-юнкером. Его жена теперь на всех балах, она была и в Аничковом. Она много танцует, хотя, похоже, брюхата...»

Беспристрастная хроника продолжается спустя неделю: «Натали на всех балах, всегда хороша, элегантна, везде принята с лаской; всякий день возвращается в четыре или в пять часов утра, обедает в 8 вечера, встает из-за стола, чтобы взяться за туалет и мчаться на бал. Через две недели она поедет в деревню».

В деревню к мужу в тот раз она не поехала ни через две недели, ни через месяц. Вот дальше запись из дневника ее свекрови: «В воскресенье вечером, на последнем балу при дворе, Натали сделалось дурно после двух туров мазурки; едва поспела она удалиться в уборную императрицы, как почувствовала боли такие сильные, что, возвратившись домой, выкинула. И вот она пластом лежит в постели после того, как прыгала всю зиму и, наконец, всю масленицу, будучи два месяца брюхата...»

Не знаю, как вам, а мне этот «чистейшей прелести чистейший образец», всю ночь прыгающий по паркету с ребенком в животе, не очень симпатичен. На рисованных портретах она смотрится значительно лучше. Впрочем, известно, что поэт всегда уезжал в свою деревню, когда узнавал об очередной беременности жены. Так сказать, землю попашет, попишет стихи. Дети рождались не в его присутствии. В его присутствии рождались стихи. Для него это было важнее, чем «Машка, Сашка, Гришка, Наташка». И бальные флирты жены он прощал – до поры до времени...

Оставим чету Пушкиных и вернемся к молодоженам Аракчевым. В отличие от Гончаровой, новоиспеченная графиня не успела подарить мужу ребенка. Прожили вместе они всего год. Несогласие супругов во взглядах стало проявляться все чаще, и граф с удивлением обнаружил, что его дела, его симпатии и антипатии для молодой жены совершенно безразличны, что, прожив все лето в Грузино, она так и не могла полюбить его детище. А к зиме она явно затосковала по Петербургу и прямо заявила мужу, что до сих пор не использовала свой фрейлинский статус, не появившись ни на одном балу в свете. Он отпустил ее в столицу.

Нет точных сведений, как вела себя графиня на балах. Видимо, тоже прыгала всю ночь по паркету. И, конечно, нашлись доброты, тут же сообщившие графу обо всех ее «партнерах по мазурке». Граф прибыл в Петербург, имел с женой серьезный разговор и при ней приказал своим людям, чтобы графиня впредь не выезжала одна.

По сути, это был домашний арест. Несмотря на это, однажды вечером, когда мужа не было дома, она потребовала подать карету и назвала адрес, куда ехать. На отданный ею приказ лакей, поклонившись, ответил: «Их сиятельством графом сделано запрещение вам ездить одной». Карета так и простояла у крыльца до возвращения Аракчеева и до нового скандала, в конце которого граф заявил жене, что отныне она лишается права делать какие-либо траты без его ведома.

Вряд ли граф понимал, что женщине можно запретить ездить на танцы и расточать там улыбки в обмен на знаки внимания, так необходимые ее натуре, можно запретить ей вообще появляться в свете. Но лишить ее скудных копеек на личные расходы – это значит, оскорбить в ней женщину, лишить ее «женского» пола и смысла жизни.

Впрочем, брак их, наверное, сохранялся бы еще долго, если бы не случай и если бы граф не был в курсе всех дел, особенно когда они касались крупных чиновников. До сведения Аракчеева дошло, что обер-полицмейстер Санкт-Петербурга, регулярно получающий 100 тысяч рублей на секретные нужды, тратит деньги совсем на другие надобности, с интересами службы ничего не имеющие. Он доложил об этом государю императору. Последовало высочайшее повеление отрезвизовать расходы главного полицейского чина.

Аракчеев срочно потребовал к себе все финансовые отчеты. Каково же было его изумление, когда он прочитал в расходной книге, что его супруга дважды получала по пять тысяч рублей. Вне себя от гнева, он приказал камердинеру срочно позвать к себе Наталью Федоровну и, когда та вошла в кабинет, встретил ее у порога словами:

– Вы, сударыня, изволите брать взятки с полиции?

– Какие взятки? Что вы говорите? Я ничего не понимаю! – отвечала растерявшаяся графиня.

– Я говорю, что вы получили от обер-полицмейстера два раза по 5000 рублей из денег, предназначенных для оплаты секретных сотрудников. А поскольку вы в тайной полиции не служите, то это взятка.

– Да, я брала эти деньги, – пришлось сознаться графине. – Но я взяла их не для себя, а для маменьки, ей было очень нужно...

Граф не позволил ей далее продолжать:

– Женщина, стоящая на содержании у полицейского, не может быть моей женой! Даю вам час на сборы!..

Замуж графиня Хомутова больше так и не вышла. В отличие от Натальи Николаевны Пушкиной, которая станет Ланской, нарождает новому мужу-генералу еще троих дочерей, а про историю с Дантесом однажды скажет княгине Вяземской: «Мне с ним было весело. Он мне просто нравился, и я думала: будет то же, что два года сряду». Чистейший образец – ну что за прелесть эта сказка! К сожалению, это не сказка...

У графа Аракчеева в жизни была еще одна женщина. Та, которую он считал единственной своей любовью, своей невенчанной женой, с которой он прожил больше двадцати лет, которой

он писал такие страстные, такие нежные письма и которую, несмотря на ее лживый характер и низкое происхождение, считал поистине «чистейшим образцом».

Но и она никогда не была ни образцом, ни «чистейшей прелестью». И кто знает теперь доподлинно, любила ли она Аракчеева вообще, способна ли была на такое чувство. Тут важнее другое: она сама была любима искренне и нежно. И она сумела сделать графа настолько счастливым, что он гордился своей любовью, которая меняла его, от которой он становился смелее, мягче, сильнее.

В 1820 году, спасая Пушкина от жалобы графа Воронцова на «воинствующий атеизм» поэта, Аракчеев взял на себя смелость объяснить государю всё только лишь влюбленностью молодого стихотворца. Государь увидел в непривычной сей смелости влюбленность не Пушкина, а самого Аракчеева. И простил-то, получается, обоих...

Аракчеев остался верен своей любви до конца. Даже смерть не смогла их разлучить. Когда любимая женщина погибла, великий царедворец чуть не сошел с ума. Его больше не интересовали государственные дела, он ушел со службы и, закрывшись ото всех людей и от всего земного, тихо умирал от тоски по своей любимой еще долгих девять лет. Граф приказал заранее выкопать себе могилу рядом с ее прахом. И умер, так и не снимая с шеи ее платок...

Одна, но пламенная страсть

Это была в буквальном смысле любовь до гроба. Ее звали Настасья Минкина. Происхождение ее доподлинно неизвестно.

Одни историки пишут, что она была женой грузинского крестьянина-кучера, то есть из подневольных графских крепостных. Другие находят ссылки на ее цыганское происхождение, третьи – что, дескать, «привезена сия шалава из портового города, где ходила в полюбовницах по матросам». Четвертые утверждают, что Аракчеев лично купил ее у одного петербургского помещика, узнав о продаже молодой красавицы из газеты.

Думаю, вернее всего версия про местное, кучерское происхождение, поскольку остались воспоминания о том, как «Наська, перейдя в барские покои, первым делом приказала дать мужу на конюшне двадцать плетей в собственноручном присутствии». И возле сельского Андреевского собора, того самого, где позже будут похоронены и сама Настасья и сиятельный граф, долго будет отличаться ухоженностью могила некоего Федора Минкина, скончавшегося в 1809 году.

Когда Аракчеев появился первый раз в Грузино как новый владелец, черноокая красавица Настыка была уже замужем. Ей шел 19-й год, и в мечтах ее не было стать наложницей графа. Он показался ей отвратительно старым, а уж в мужчинах она к тому времени разбиралась. Но порядки, которые с первого дня стали утверждаться в Грузине, ей пришлось очень даже по душе. Никто теперь не ходил по двору без толку, не шнырял туда-сюда. Все было продуманно и четко. За пьянство, за любую оплошность – палкой по спине. Провинился сильнее – вечером пожалте на конюшню, получите свое, спустив портки и задрав рубаху.

Граф жил одиноко, гостей особо не привечал. Но и ему требовались в доме горничные. Как-то муж Федор, отвозя управляющего в соседнее село, обмолвился про свою Настасью – предложил ее в барский дом мыть полы. За этим занятием новый хозяин и застал цыганистую девку. Через неделю она уже числилась экономкой с постоянным окладом в триста рублей. Первое распоряжение ее было – вечером на конюшне «отблагодарить» Федора.

«Двадцать два года спала она не иначе, как у дверей моей спальни, – писал в начале 1826 года А. Аракчеев. – Последние пять лет я уже упросил ее поставить для себя рядом кровать. Не проходило ни одной ночи, в которую бы я, почувствовав припадок или произнеся какой-нибудь стон, даже и во сне, чтобы она сего же не услышала, и в то же время входила и стояла у моей кровати, и если я не проснулся, то она возвращалась на свою, а если я сделал оное, проснувшись, то уже заботилась обо мне. Во все время жизни ее у меня не мог я никогда упросить ее сидеть в моем присутствии, и как скоро я взойду в комнату, она во все время стояла. Она была столь чувствительна, что если я покажу один неприятный взгляд, то она уже обливалась слезами и не переставала до тех пор, пока я не объясню ей причину моего неудовольствия».

Написано собственноручно сиятельным графом. Вчитайтесь еще раз, и вы почувствуете, как пытается нежно и благодарно говорить о женщине тот, кто сам никогда толком не умел сказать ничего возвышенного, кто больше привык общаться с офицерами в казарме, чем с дамами. Он без нее и дня не мог прожить! Отъедет в Петербург ко двору – и уже скучает, мчится домой, в Грузино, к Настасье своей ненаглядной. А это, считай, почти двести верст.

Как только Аракчеев «возвысил ее до своей интимности», то очень скоро Настасья Минкина почувствовала себя барыней. Она ходила уже в богатых платьях, приказывала от имени графа, гоняла всех по-черному, наказывала немилосердно. Особенно девок молодых не жалела, словно чуяла в них возможных соперниц. А уж если наружностью поприятнее, так вообще пощады не жди. То каленым утюгом грудь прижмет, то ножницами или ножом лицо

исполосует. Просто лютовала, и никто пожаловаться не смел. А если что и доходило до графа, то опровергала все, плача у него на плече.

Желая навсегда привязать Аракчеева к себе, Настасья очень старалась родить ему ребенка. Знать, старалась не напрасно, о чем однажды графу было доложено прямо во дворец срочным нарочным. Аракчеев сослался больным и помчался, загоня лошадей, в Грузино. Выскочил из кареты, не обращая внимания на посторонних, обнял выбежавшую ему навстречу домоправительницу:

– Настёнька, неужели?!

Она счастливо смеялась, краснея от посторонних, тянула графа в дом. С того времени всё в Грузине было подчинено только ее желаниям и приказам. Анастасии Минкиной шел 28-й год. Мальчик родился здоровым и крещен был Михаилом. Тут же приставили к нему кормилицу из соседней деревни.

Порой уставал граф от своей Настёньки, и это она как женщина мигом сознавала. И старалась придумать нечто, что заставляло хозяина каждый раз по-новому глядеть на нее. То новый наряд наденет, из Парижа только что присланный. То предложит ему дорогу построить новую. То вдруг сообщит, что желает грамоте учиться – и он зовет для нее лучших учителей из Питера. А спустя месяц подсунет ему письмо в конверте – то-то граф удивится, какие слова выучила писать его Настёнька, как зовет он ее, когда они наедине.

Граф будет хранить эти письма и сотни раз перечитывать после смерти своей возлюбленной. Писем сохранился двенадцать, за 1809-й и за 1819–1820 годы. Почему так? А очень просто. В 1809 году, после рождения сына, ее влияние на Аракчеева было так велико, что он разными тайными махинациями обеспечил ей дворянство под фамилией Шуйская – задним числом выдал ее замуж за только что почившего польского шляхтича. Делал это он, конечно, в первую очередь ради сына – думал о том, что карьера его должна быть при дворе. В 1821 году, когда Мишеньке исполнилось двенадцать, Аракчеев отправил его в Петербургский пажецкий корпус. Там постоянно его проведывал, всячески балуя.

Настасья свою благодарность за дворянский титул выразила письменно. Граф плакал, читая это любовное признание с грамматическими ошибками. Впрочем, ошибок в письмах было на удивление мало. Это и заставит позднее исследователей усомниться в авторстве фаворитки. И дело даже не в грамматических ошибках, а в самом литературном стиле, слишком уже высоком для такой личности, как Настасья Минкина-Шуйская. И докопаются историки, найдут подтверждение, что письма писал по ее указке один из учителей питерских, а она только переводила на свои каракули, так глубоко трогавшие и приводившие в восхищение Аракчеева. Но будет это уже после смерти Настёньки и после смерти самого графа.

Шуйская очень быстро стала незаменимой в графском доме. В особой кухне она по-прежнему готовила для него обед. Получала уже 2400 рублей, зимы проводила в Петербурге, остальное время года – в Грузине, куда всё чаще приезжали именитые гости. К тому времени всё, что Аракчеев хотел переделать, было построено.

Имение было приведено в образцовый порядок. Посетивший имение историк Н. Карамзин писал, что даже в Европе он не встречал такого великолепия. Каменный дворец, возводимый лучшими архитекторами Европы, был закончен к 1806 году. Сиял золотом огромный Андреевский собор, фонтаны били в зеркальных беседках, на дорожках ни соринки, в доме – ни пылинки.

Приехал посмотреть на владения графа и император Александр I. Домоправительница дворянских кровей Анастасия Федоровна Шуйская была представлена государю-императору. Царь всё понял, но ничего против не сказал, хотя и старался общаться только с графом. Свита тоже всё поняла, и с тех пор любой сановник мог попасть к всесильному Аракчееву только с соизволения «злой Наськи», как они стали величать её за глаза.

Конечно, странно, что полуграмотная деревенская девка сумела войти в полное доверие военного министра. Впрочем, бывали и потом похожие истории на Руси. Да и сейчас немало такого. Как говорится, сердцу не прикажешь, а если Бог захочет наказать, то отнимет разум.

10-го сентября 1825 года случилось страшное. В очередном припадке ярости «злая Наська» истыкала ножом лицо дворовой девки. Вечером в барские покои ворвался жених этой девицы и тем же ножом отрезал Анастасии голову. Граф едва не сошел с ума. И только несколько дней, проведенных в монастыре, слегка осветлили его разум, и он, вернувшись, устроил великую разборку, казня всех правых и виноватых.

Тогда-то на следствии и открылось, что Настасья была бесплодна и весь срок беременности носила под платьем подушку. А настоящая мать – та женщина из соседнего села, что стала кормилицей Мишеньки. Всесильная барыня запугала ее, пригрозив смертью, и, как только дитя родилось, приказала окрестить и принести к себе. Протоиерею было сказано, что младенец умер при родах, а похоронили пустой гробик.

Надо отдать должное, Аракчеев не отозвал Мишу из пажеского корпуса. Он и потом не мешал ему делать карьеру, просто перестал с ним встречаться.

«Сын» получит офицерский чин, станет георгиевский кавалером. После смерти графа он быстро сопьется и сгинет неизвестно где.

Расследование раскрыло Аракчееву глаза и на другое. В отсутствие графа никто не соби-рался хранить ему верность. В постели обожаемой им домоправительницы за эти годы побы-вало немало мужчин, в том числе и подчиненных графа по военному ведомству. От этого удара в самое сердце Аракчеев никогда не оправился.

Он просто тихо исчез из истории Отечества.

Быть можно дельным человеком...

Граф собою «был безобразен и в речах произношения гнусливого», что людей отталкивало от него. Да и он сам, подолгу бывая в опале, не только в Грузине, но и в петербургском доме тоже, вел жизнь далеко не светскую. Обыкновенно он вставал в четыре часа утра, до развода караула занимался в кабинете бумажными делами: читал почту, разбирал документы, делал пометки и писал резолюции. Развод караула часто принимал самолично и всегда бывал при этом взыскателен. Не было случая, чтобы кто-то из офицеров остался ненаказанным.

В 12 часов граф обычно ездил во дворец с докладом, и берегись все, мимо кого мчался эскорт, особенно военные. Из дворца возвращался к обеду. Ровно в два часа садился за стол. Иногда приглашал с собою личного доктора, адъютантов или дежурного по канцелярии офицера. Обед был всегда умеренный, блюд готовилось немного, но вкусно. Вина почти не подавалось. За столом хозяин сидел с полчаса, был разговорчив и шутил, хотя не жаловал словоохотливость у других.

Званные обеды собирал редко. Один из современников Аракчеева пишет: «Обеденный стол графа был весьма хорош, но порции не должны были превышать известной меры. Так, например, куски жареного мяса или котлеты были определены по числу гостей, и горе тому, кто возьмет две котлеты: отныне он мог рассчитывать на долгое преследование со стороны графа. Порядок же и чистота в доме были такие, что малейшая пылинка на стене, едва приметная для микроскопического наблюдения, имела следствием для слуги палочные удары и арест для чиновника».

После обеда Аракчеев опять принимался за работу. Потом был перерыв на чай и краткую прогулку, после чего он снова садился за письменный стол. В девять часов вечера обычно ложился спать, хотя частенько в полночь вставал и устраивал ревизию дежурным адъютантам. Такому раз и навсегда установившемуся распорядку дня и образу жизни он никогда не изменял ни под каким предлогом.

Вино не доставляло ему удовольствия, граф не понимал в нем толка. Он не курил и не нюхал табака, потому что государь не любил «табашников». Аракчеев вообще мало ценил комфорт и жил весьма скромно. Так же равнодушен он был ко всем видам спорта. Охотой не занимался, не ловил рыбу, не катался верхом, хотя держал хороших лошадей. Он не искал женского общества, не умел и не любил ухаживать за женщинами, считая, что они только отвлекают от дел.

Он посещал театры, балы и собрания лишь по необходимости. В свободное от службы время играл порой в бостон с близкими знакомыми. Это было единственное удовольствие, которое граф себе позволял; оно не отнимало у него много времени и почти ничего не стоило, потому что по крупной он никогда не играл. Все остальные наслаждения для графа Аракчеева как бы не существовали.

Трудолюбие его было беспримерное, он не знал усталости, и, отказавшись от удовольствий света, жил исключительно для службы и от подчиненных требовал того же. Дом его в Петербурге напоминал крепость, куда попасть мог только тот, кого он приглашал. Все дела государственные шли через его руки, тысячи людей с ходатайствами просились к нему на прием, но редко кто допускался. Так что можно представить, как все его ненавидели.

Как только появлялся он во дворце, в так называемой секретарской комнате, где собирались адъютанты государя и докладчики, вмиг устанавливалось гнетущее молчание. Аракчеев становился у окна, лишь немногих приветствуя кивком головы. На мрачном лице его редко показывалась улыбка, и надо было видеть, с какою жадностью все присутствовавшие ловили этот проблеск благосклонности. Он словно выходил из обыкновенного круга подданных и имел какую-то особую сферу существования. Однажды кто-то из подобострастных льстецов пуб-

лично сравнил его с Меттернихом и Наполеоном. Аракчеев резко оборвал: «Где мне до них! Это народ ученый, образованный, а я учился на медные деньги. У них целые королевства, а у меня одно Грузино – и тем я, Бог свидетель, доволен».

Те, кого он приглашал в свое Грузино, почитались счастливыми. Там он был намного приветливее и гостеприимнее. Чиновники, адъютанты и фельдъегеря являлись к нему в Грузино ежедневно с рапортами из разных мест. Иные гости приезжали сюда для того, чтоб полюбоваться великолепием имения, и могли тут оставаться сколько душе угодно. Они были вольны распоряжаться временем, как желали. Гуляли в великолепных садах, осматривали красивые окрестности, богатство самого дома или Андреевский собор. Молодежь отправлялась кто на прогулку верхом, кто на охоту. Летом желающие катались по Волхову на шикарной яхте, присланной Аракчееву императором Александром Первым.

Те, кто знаком был с графом лишь настолько, чтобы иметь право обменяться при встрече поклоном, выжидали назначенного часа, чтоб засвидетельствовать ему свое почтение и при отъезде поблагодарить его лично за гостеприимство. Те, которых он знал ближе, иногда обедали с графом по его приглашению, но вряд ли кто завидовал таким. Здесь ничто не нарушало заведенного раз навсегда порядка. Часы обеда, чая и ужина были неизменны. И несмотря на всю пышность Грузина и на полную свободу, предоставленную его посетителям, при одной только мысли о возможности встретиться лицом к лицу с хозяином этого волшебного дворца иным становилось не по себе.

Представить, что здесь, по вылизанным дорожкам без единой соринки и упавшего листика, идет Пушкин в красной рубахе навывпуск и соломенной шляпе – нет, это совершенно невозможно. Это у себя в Михайловском он мог утром прискакать верхом во двор дьякона и крикнуть на все село:

«Похмеляться лучше всего перцовкой!» Гикнуть и ускакать к себе, и там снова усестись за стол, взяв обгрызенное перо... Нет, здесь такое не пройдет. Ходи по своим холмам, подкидывай вверх свою дурацкую железную палку, отращивай свои ужасные когти – Бог тебе судья, знать, все поэты таковы. А здесь, пардон, люди порядочные, дельные, со своею головою они дружат.

Принять ответственность умеет на себя

Особенно ненавидели графа Аракчеева за военные поселения. Говорят, что первая мысль о них принадлежала самому Александру I, и что Аракчеев поначалу очень противился этому распоряжению. Но император сказал:

– Мы с трудом победили Наполеона и сейчас не в состоянии держать большую армию. Случись что – и под ружье поставить некого. А тут, считай, резерв будет. Дело неблагодарное, но важное, ты уж, Алексей Андреевич, прими на себя такую ответственность...

И только тогда, словно осознав важность задуманного царем, Аракчеев с яростью занялся военными поселениями. Крестьянам в них был распisan весь распорядок дня, и за всякое уклонение следовало наказание. Бабу штрафовали за пятно на полу, за пыль в избе, за сбежавшую курицу, за то, что горшок оставлен не на месте. Заведены были таблицы бракоспособных девок и вдов, которых венчали, не спрашивая о склонности к избраннику. Неудивительно, что крестьянин-поселенец чувствовал себя несчастнее каторжника.

По деревням стоял вой, когда приходила весть, что их отдадут под военное поселение. И когда государю в его путешествиях по России случалось проезжать по таким деревням, его вместо обыкновенных радостных криков встречало молчание. Доходило и до массовых волнений. Не подчинились пришедшему уставу казачьих села близ Чугуева. Туда Аракчеев двинул регулярные войска, и когда бунт был подавлен, военный суд приговорил к смерти более двухсот человек.

«Успехи опытов воинского поселения не могут быть приятны всем. Но иные, кои, умея размышлять и зная государство, отныне удостоверены, что теперь в России есть практически от 700 до 900 тысяч войска, всегда готового к войне, и войско это обеспечивает само себя, без затрат казны». Так он докладывал государю в итоговом рапорте по военным поселениям.

Его ненавидели все в свете. Он же никогда не пользовался своею силой, чтобы раздавить неугодных. Хотя у него были чистые бланки с царской подписью, и ему ничего не стоило отправить в ссылку любого, независимо от чина и звания.

Единственно, он отстранил двух высокопоставленных чиновников – начальника главного штаба князя Волконского и министра финансов Гурьева. Эти двое имели сильное влияние на Александра, но принесли столько вреда России, что их отставку вообще надо причислить к государственным заслугам Аракчеева.

Он никогда не участвовал в боевых действиях. При Аустерлице находился в императорской свите, и Александр I предложил ему принять командование одной из колонн, но Аракчеев отказался.

Многие историки объясняют это его трусостью. Но есть и другое объяснение: он увидел такой беспорядок, что никаким личным участием ничего изменить не мог; если бы ему приказали, он бы выполнил долг, но откровенно высказал свое мнение. Император виду не показал, что обиделся, и не стал его наказывать. Даже наоборот, после окончания войны с французами, как из мешка, посыпались награды на всех, в том числе и на военного министра.

Не требуя наград за подвиг благородный

Аракчеев никогда не гонялся за наградами и чинами. Могущественный вельможа, самый близкий государю человек, он имел лишь несколько самых низших по службе наград. От пожалованных ему более высоких орденов отказался. Так, после окончания войны с французами не принял орден Андрея Первозванного – высшую награду Российской империи. Мотивировал тем, что непосредственного участия в военных действиях не принимал. Тогда государь пожаловал ему свой портрет, украшенный бриллиантами. Аракчеев портрет оставил, а бриллианты возвратил императору.

Для сравнения вот вам другой случай из российской истории того же периода. Граф Гурьев, в честь которого назван сибирский город Гурьевск, где мне довелось жить и работать, был назначен министром финансов. Благодоставлял его на эту должность сам Александр I. В присутствии всего Священного Синода император поднес Гурьеву икону Владимирской Божьей матери на целование. Новый министр, приложившись, выкусил из оклада самый крупный бриллиант и спрятал его за щекой. Аракчееву стоило немалых трудов избавиться от такого министра. 31 марта 1814 года, на другой день после капитуляции Парижа, император Александр Павлович подписал указ о производстве Аракчеева и Барклая де Толли в фельдмаршалы. Но Аракчеев упросил императора отменить указ о своем производстве, опять-таки мотивируя тем, что напрямую войсками не командовал.

Император, зная, как Аракчеев обожает мать свою, пожаловал ее статс-дамою. Алексей Андреевич отказался и от этой милости. Государь с неудовольствием высказал ему:

– Ты ничего не хочешь от меня принять!

– Я доволен благоволением Вашего Императорского Величества, – как всегда витиевато отвечал Аракчеев. – Но умоляю не жаловать родительницу мою статс-дамою; она всю жизнь свою провела в деревне; если явится сюда, то обратит на себя насмешки придворных дам, а для уединенной жизни не имеет надобности в этом украшении...

Это что – ответ льстеца и честолюбца, коим все его считали в то время и считают до сих пор? Да я даже представить себе не могу большей дерзости императору! Спасло его от гнева только то, что государь прощал все своему старому наставнику и другу.

Невозможно себе представить, чтобы Пушкин отказался от придворного звания камер-юнкера. Царь Николай I бы ему этого не простил. Да и давал он это звание больше не поэту, а жене его, которую хотел видеть на балах при дворе. И при муже, чтобы не было кривотолков. Так что осталось поэту только написать: «Я не рожден царей забавить...»

Что касемо орденов, то у Пушкина их не было. Мало служил, не с теми дружил, беспокойно жил. Слава Богу, что еще ссылки его оказались близкими и благодатными – но и это заслуга не его друзей. Это заслуга человека, который, немало рискуя, заступился за беспокойного отрока, уважая и ценя его редкий дар.

Мой друг, Отчизне посвятим...

Аракчеев как военный министр немало сделал во славу российского оружия. Не нужно забывать, что при нем страна постоянно воевала и всегда одерживала победы. Он занимался реорганизацией, комплектованием и обучением личного состава, введением технических новинок в армию. Он написал немало статей по технологии изготовления пороха, по организации боевых стрельб. Принял самое непосредственное участие в создании «Артиллерийского журнала».

Деятельность Аракчеева по совершенствованию русской артиллерии сыграла свою роль в успешном исходе Отечественной войны 1812 года. Это он придумал ставить пушки на лафеты конной тяги, создав первые в мире передвижные артдивизионы. Пока французы ладят капоныры, на их позиции врываются эти мобильные отряды, с ходу отрывают огонь из легких пушек и тут же исчезают, забрав с собою всю артиллерию. Так и получилось, что Наполеон, имея в пушках превосходство чуть ли не вдвое, не смог им воспользоваться, а к концу войны половина его артиллерии оказалась у русских.

В войне со Швецией именно Аракчеев разработал блестящий план, как неожиданно зайти в тыл неприятелю. И целая армия ночью перешла по льду Ботнический залив, что предопределило победоносный исход всей кампании.

Он не искал наград себе, но требовал «особенного уважения к званию военного министра». Всех вообще, даже лиц, близких по родству к государю, принимал как начальник, с прочими генералами обращался, как с простыми офицерами. Как-то приболел и целую неделю никуда не выезжал из дома – так император лично каждый день приезжал к нему справляться о здоровье.

Он был облечен неслыханной властью. Ездил по городу и во дворец всегда с особым конвоем и требовал попеременных караулов из всех стоящих в Петербурге полков. Великий князь Константин, начальник всей конной гвардии, хотел этому воспротивиться, но вынужден был уступить. Великий князь ходил в чине генерал-лейтенанта, военный министр же имел звание повыше. Поэтому Аракчеев без обиняков сказал его императорскому высочеству: «Завтра отправлюсь смотреть Ваши два полка; постарайтесь, чтобы все было в порядке».

На другой день великий князь явился к нему с докладом на час позже назначенного – Аракчеев его не принял, передал через своего адъютанта:

«Объявить, что военный министр один, так могли бы и вовремя приехать».

Интереснее всего, что это была не прихоть самодура, а привычка ценить время, нелюбовь к разгильдяйству в любом его проявлении. Вряд ли бы он умиленно глядел на шалопаю Пушкина, прощая все проделки за один его талант. Но то, что он все-таки благоволил поэту, спасая его для потомков, – это я и хотел показать в своем исследовании. За это ему низкий поклон. И напоследок еще раз процитирую графа Аракчеева: «Я учился грамоте не по рисованным картинкам, а по псалтырю. Не жалея сил, служил своей Отчизне». И далее весьма знаменательные слова: «Мягкими французскими речами дела в России не выкуешь. Мы всё способны сделать. От нас, русских, нужно требовать невозможного, чтобы достичь возможного».

Любовь к отеческим гробам

На смену XIX веку пришла совсем другая эпоха. Храм в Грузине вскоре после революции был закрыт большевиками, могилу Аракчеева, где он был похоронен в парадном генеральском мундире со шпагой, раскопали местные воры – шпагу унесли, а ненужный прах бросили обратно в могилу.

В годы Великой Отечественной войны бывшее графское имение было полностью разрушено, а в 1955 году был вторично ограблен склеп Аракчеева и Шуйской, заваленный руинами когда-то великолепного Андреевского собора. Но вместо вождельных сокровищ грабители нашли лишь скромные одежды и довольствовались серебряным медальоном с прядью волос.

Спустя пятнадцать лет здесь снова проходили археологические раскопки, которые велись по обнаруженному в архивах плану собора. Было найдено и вскрыто место погребения Аракчеева. Рядом с останками обнаружены фрагменты графских эполет и позолоченная пуговица от его мундира. Останки были направлены на антропологическую экспертизу, которая подтвердила их принадлежность погребенному. Но тем дело и кончилось, и в 70-е годы в полуметре от графской могилы прошла теплотрасса, а вскоре после этого развалины собора Андрея Первозванного вообще закатали в асфальт – прямо по этому месту прошла новая автострада.

Так оказалось предано забвению место захоронения одного из виднейших деятелей эпохи Александра I, военачальника, стараниями которого была усовершенствована русская артиллерия, доказавшая свое превосходство над наполеоновскими пушками в Отечественной войне 1812 года. В этом смысле великому поэту Пушкину повезло значительно больше. Его могила сохранилась нетронутой, и поклониться тому, кто лежит «под камнем сим», приезжают со всего мира миллионы людей.

В советских учебниках по литературе только вскользь говорилось (и до сих пор говорится) об «аракчеевщине», о реакционере «без ума, без чувств, без чести», о создателе ужасных военных поселений. И вместо доказательств – злые эпиграммы Пушкина о душителе свобод с «крайней узостью ума». Зато самого Пушкина мы все учим наизусть. Любим каждую его строчку. Знаем каждый шаг. Прощаем всё. Вот этим и отличается судьба гения от простого смертного. Один – «наше русское всё», другой – никто. Так всегда у нас: возненавидеть и забыть, а полюбить – так на века...

Многие выдающиеся деятели того времени, такие как Сперанский и Карамзин, относились к Аракчееву очень уважительно, считали его «лучшим сыном Отечества». Карамзин, признавший в Аракчееве «человека с большим умом и хорошими правилами», как-то услышал от графа: «Учителем моим был деревенский дьячок: мудрено ли, что я мало знаю? Мое дело – исполнять волю государеву. Был бы моложе, то непременно стал бы у вас учиться, а теперь уже поздно».

А Пушкин с горечью писал жене в 1834 году:

«Аракчеев умер. Об этом во всей России жалею я один. Не удалось мне с ним свидеться и наговориться».

Вот так-то, господа. Лучше и не скажешь...

Маленькая пьеса для большого сердца

Выходец «со свекольного хутора»

Бетховен – это «дракон, который никак не хочет умереть и, истекая кровью, сокрушает все вокруг яростными ударами хвоста». Вот как отзывалась критика о симфонических экспериментах этого выходца «со свекольного хутора» (именно так переводится с фламандского «ван Бетхоффен»). Музыка Бетховена если и должна кому-то служить, то лишь тому, кто встает против обыденного миропорядка и способен быть выше его. Её удел – смертельная и вечная схватка с судьбой.

Бетховен был первым, кто сделал страдания и надрыв самой сутью музыки. До него композиторы думали лишь о том, как описать мир при помощи звуков, Бетховен же знал, как изменить его, нарушить привычный ход вещей, наполнив всё вокруг беспокойной радостью и любовью. «О Провидение, пошли мне хоть один день чистой радости! Я так давно не испытывал в себе её отголоска. Когда же, когда, о Божество, в состоянии буду я на лоне природы и человечества снова испытывать её! Никогда? Нет, это было бы уж слишком жестоко!», – пишет он.

В личной жизни композитор был отчаянно невезучим человеком. Он не был счастлив, хотя любил и всю жизнь мечтал быть любимым. Ничего, кроме бесплодных надежд и убийственного разочарования, любовь ему не принесла. Зато ввергла в беспросветную мизантропию, сделав его повадки и характер неудобоваримыми для окружающих...

Бетховен получал иногда приличные суммы за свои симфонии и сонаты, но всегда бедствовал. Часто, гуляя в парке, забывал на скамейке пальто, в кармане которого лежал очередной гонорар. Его щедро одаривали эрцгерцоги и князья, перед ним вставали на колени аристократки, умоляя сыграть что-нибудь, а он лишь недовольно рычал, мотая лохматой головой. «Никогда я не встречал более детского нрава в сочетании со столь могучей и упрямой волей, – вспоминал один из его друзей. – Если бы у него не было ничего, кроме его большого сердца, он все равно остался бы человеком, перед которым следует встать и склониться».

...Людвиг ван Бетховен родился 16 декабря 1770 года в семье придворного певца. Свое первое произведение он написал в 8 лет. В двадцать лет был уже признанным пианистом и импровизатором, в тридцать – лучшим композитором австрийской столицы. Он написал огромное количество произведений. Вместо названия он присваивал номер каждому своему опусу и группировал их по жанрам – от бессмертных симфоний до фламандских и ирландских народных песенок.

Игра Бетховена поражала современников эмоциональной силой, доводила их до экстаза. Был случай, когда дирекции театра пришлось вызывать полицию, чтобы успокоить публику, потрясенную его Девятой симфонией. Но оглохший Бетховен, стоя за дирижерским пультом, не слышит грома оваций. Тогда заплаканная от восторга солистка хватается за руку и разворачивает лицом к рукоплещущей публике...

О сонате опус 57 (самовольно окрещенной гамбургским издателем «Аппассионатой») Ленин скажет: «Изумительная, нечеловеческая музыка». А «Крейцера соната» Бетховена послужит темой для знаменитого рассказа Льва Толстого. Помните?

«Они играли Крейцерову сонату Бетховена. Знаете ли вы первое presto?... Страшная вещь эта соната. Именно эта часть. И вообще страшная вещь музыка... Мне под влиянием музыки кажется, что я чувствую то, чего я, собственно, не чувствую, что я понимаю то, чего не понимаю, что могу то, чего не могу... На меня, по крайней мере, вещь эта подействовала

ужасно; мне как будто открылись совсем новые, казалось мне, чувства, новые возможности, о которых я не знал до сих пор...»

Наивысшим счастьем он считал – доставлять счастье ближним. «С детства моей самой большой радостью и удовольствием была возможность что-либо делать для других», – признается он в своем письме. Так и писал: «Нет ничего прекраснее, чем приносить людям счастье и радость!»

Нам остается только гадать, до какой степени бетховенская глухота повлияла на его творчество. Недуг развивался постепенно. Уже в 1798 году он жаловался на шум в ушах, ему бывало трудно различать высокие тоны, понимать беседу, если говорили шепотом. В ужасе от перспективы стать объектом жалости – глухим композитором, он рассказал о своей болезни близкому другу:

«Ах, как я тоскую о тебе, ибо твой Б. катастрофически несчастен. Представь, мой слух – главная часть моего «я» – почти утерян. Только прошу: никому не выдавай моего секрета! Ты счастлив – у тебя есть дети и жена. У меня ни того, ни другого нет!»

Доктора советовали ему по возможности беречь слух. Но он по-прежнему принимал участие в музыкальных вечерах, концертировал и много сочинял. Ему так хорошо удавалось скрывать глухоту, что еще лет десять даже постоянно встречавшиеся с ним люди не подозревали, насколько серьезна его болезнь. То, что при беседе он часто отвечал невпопад, приписывали вечно плохому настроению или рассеянности.

К 1815 году глухота Бетховена стала практически полной. Ему приходится общаться с собеседниками при помощи грифельной доски или «разговорных тетрадей». Он уже смутно чувствует, что конец близок: болезни делают его немощным и ненужным никому. Он уже понял, что несчастья перестают быть школой мужества и оборачиваются своей противоположностью, умерщвляя вкус к творчеству и к самому существованию.

26 марта 1827 года Бетховена не стало. Вся Вена вышла провожать в последний путь гениального композитора. Впереди похоронной процессии шел с факелом Франц Шуберт.

Когда друзья разбирали бумаги покойного, среди обрывков рукописей, незаконченных партитур и старых счетов они нашли перевязанное лентой письмо. Десять страничек, исписанных размашистым бетховенским почерком. Вместо адресата было написано всего два слова: «Бессмертной возлюбленной». Вот это письмо.

Бессмертной возлюбленной

6 июля утром

Мой ангел, мое всё, мое Я! Очень глубокая печаль там, где должна торжествовать жизнь, но говорит необходимость. Разве любовь может существовать только ценой самопожертвования, без того, чтобы требовать всего? Невозможно что-либо изменить, чему быть, того не миновать! Любовь всепробовательна – и по праву; таковы мои чувства к тебе. Я обязан жить и за себя и за тебя. Были бы мы неразлучны, и ты и я не мучились бы... Поездка моя была ужасной: прибыл я сюда лишь вчера в четыре часа поутру. Какой жуткой оказалась дорога! Меня предупредили не ехать ночью, пугали туманами, но это лишь пище раззадорило меня – и я был неправ... Впрочем, хватит о внешнем, поспешим к внутреннему! Мы скоро увидимся. Я и нынче не могу пересказать тебе всего, что передумал за эти несколько дней о своей жизни. О, если бы наши сердца навсегда соединились! Грудь полна невысказанного. Бывают мгновения, когда понимаешь, что язык – ничто. Будь по-прежнему моим верным, единственным сокровищем, всем для меня, как я для тебя. Остальное, что предназначено и предопределено, да ниспошлют нам боги.

Твой верный Людвиг.

Вечером 6 июля

Ты страдаешь, дражайшее мое создание! Ты, наверное, страдаешь. Ах, ты всюду со мной, разговаривая сам с собой, я говорю с тобой. Сделай так, чтобы я мог быть с тобой! О боже, что за жизнь! Без тебя! Так далеко! Так близко!!! Какая тоска!.. Люди преследуют меня, осьята благами, которых я и не заслужил и не стремлюсь заслужить. Приниженность человека – она причиняет мне боль. А когда я рассматриваю себя по отношению ко Вселенной, что я и что представляет собой тот – тот, кого именуют великим! И все же – в этом и заключено божественное в человеке. Я плачу, думая о том, что ты не получишь весточку от меня. Спокойной ночи! После ванны я должен отправиться спать. О боже, так близко! так далеко! Поистине, разве любовь не подобна небесному чертогу? Ведь она столь же незыблема, как небесная твердь...

Доброго утра! 7 июля

Я еще в кровати, а мысли мои уже устремлены к тебе, моя бессмертная возлюбленная; они то радостны, то по-прежнему печальны; я выжидаю – авось судьба услышит нас. Мне либо жить постоянно с тобой, либо вовсе не жить. Да, я решил блуждать вдали до той поры, пока не заключу тебя в свои объятия и не назову полностью моей, когда же душа моя сольется с твоею,

пусть его, пусть свершится переход в царство теней. Это должно произойти. Тебе незачем расстраиваться, тем более что ты хорошо знаешь, как верен я тебе. Другая никогда не завладеет моим сердцем, никогда – никогда! О боже, почему надо быть вдали от того, кого так сильно любишь? Ведь моя здешняя жизнь горестна. Твоя любовь делает меня счастливым и несчастливцем одновременно. В мои годы следует вести размеренную, однообразную жизнь, а разве она возможна, когда ты так далеко? Мой ангел, надо заканчивать это мое письмо. Не волнуйся! Только лишь спокойно относись ко всему происходящему, сможем мы достичь своей цели – совместной жизни. Не волнуйся – люби меня! Нынче – вчера – как я тоскую и плачу по тебе – по тебе – по тебе – моя жизнь, мое всё! Прощай! О, люби меня, никогда не забывай верного сердца твоего возлюбленного Людвига. Навеки твой, навеки моя, навеки вместе!»

Тайна «бессмертной возлюбленной»

Кто же та «бессмертная возлюбленная», к которой обращено такое короткое и такое пронзительное письмо? Ответов на этот вопрос почти столько же, сколько было у Бетховена знакомых женщин. А он жил отнюдь не отшельником. Заглядывался на женщин, особенно на молодых и красивых. Проходя мимо юной особы, непременно оборачивался в ее сторону, смотрел вслед сквозь очки и чему-то улыбался. Часто влюблялся, но, как правило, ненадолго. Самая длительная его привязанность продолжалась семь месяцев.

В отличие от многих мужчин, хвастающихся своими победами, он был скрытен и не выставлял интимную жизнь напоказ. Именно поэтому имя «бессмертной возлюбленной» осталось в тайне даже для друзей. Тайна это и до сих пор. Почти 200 лет исследователи пытаются решить неразрешимое. За это время «бессмертными возлюбленными» Бетховена объявлялись десятки женщин, судьба которых так или иначе, в той или иной мере, на короткий или на более длительный срок, соприкасалась с судьбой Бетховена. В пользу каждой версии выдвигались доказательства, столь же основательные, сколь и выдуманные.

На эту тему написаны десятки книг, сняты художественные фильмы. В одном голливудском фильме даже утверждается, что музой великого композитора была жена старшего брата – поэтому Людвиг и молчал всю жизнь. В другом авторы приписывают композитору невенчанную жену, которая оставалась верной супругу до последнего дня. Таких литературно-художественных вымыслов много. Достоверно известно одно: Бетховен никогда не был женат, и у него не осталось наследников.

Жениться он всегда хотел. На единственной и неповторимой. Мечтал о семье, о детях. Несколько раз официально сватался. И всегда ему отказывали. Светских дам, падких до всего пикантного и эксцентричного, тянуло к нему. Когда он являлся давать им уроки, они приказывали лакеям не впускать в эту часть дома мужей, дабы остаться с Бетховеном наедине. Их влекла не только его растущая слава, но и щекочущее ощущение опасности – находиться рядом с этим варваром, чей пламенный взор горел обещанием унести в дразнящие дали, прочь от опостылевшей салонной скуки. Их манило к нему, но вот незадача: стоило им слышать его грозный рык, как они тут же были готовы броситься прочь.

«Ты можешь помочь найти мне жену? Если сыщешь красавицу, которая, возможно, подарит вздох моим гармониям, то заведи знакомство. Во всяком случае, она должна быть красива, потому что некрасивое я любить не смогу, иначе я полюбил бы самого себя», – наставляет он в письме приятеля. Казалось бы, задача ясна. Но как встретить свой идеал, когда твое лицо изрыто оспой, а мясистый нос, всклокоченная шевелюра и чудаковатые манеры способны вогнать в дрожь даже выдавших виды молодых особ?

Да что там женщины! Коровы, и те шарахались от диких жестов, когда он, бродя по полям, проигрывал в уме свои музыкальные идеи, а местные крестьяне считали его полным идиотом, распугивающим их живность. У Бетховена имелся единственный союзник – его удивительная музыка. Но разве музыкой можно околдовать женщину? Разве это им нужно?

По мнению большинства исследователей и биографов Бетховена, одна из основных претенденток на «бессмертную возлюбленную» – Жозефина Брунsvик. Композитор познакомился с ней и ее сестрой Терезой еще в 1799 году. Тогда имя Бетховена гремело в Вене, он, блестящий пианист и демонически вдохновенный импровизатор, был баловнем моды и славы. Знатные дамы столицы, цвет и краса ее, наперебой стремились попасть к нему в ученицы. И нет ничего удивительного в том, что две молоденькие девушки, которых мать привезла в столицу из степного венгерского поместья, едва обжившись и осмотревшись, поспешили к Бетховену.

Робкие провинциалки, застенчивые, краснеющие, неловко молчаливые, они сразу же покорились Бетховеном. Всеобщий кумир, недоступный полубог оказался обаятельным,

радушно приветливым человеком. То, чего так стеснялись Жозефина и Тереза – недостаток светского лоска, бойкости, жеманного кокетства, – как раз пришлось по сердцу Бетховену. Он сразу разглядел в них души, не испорченные большим светом. И влюбился – сразу в обеих.

Но и здесь у композитора ничего не получилось. Жозефина дала ему понять, что готова до бесконечности слушать его музыку, но не более того. А вот Тереза ответила взаимностью. Это ей принадлежат слова: «Следом за гениями идут те, кто умеет ценить их». Однако не успел роман разгореться, как она неожиданно уехала в Швейцарию, «от одного гения ушла к другому»...

И Жозефина вскоре вышла замуж. Ее родители настояли на браке со старым вдовцом графом Деймом, который оказался совсем не так богат, как ожидалось, вдобавок терзал молодую жену морально и физически. Он запрещал ей общаться со всяким мужчиной моложе его, ненавидел музыку. Стоило Жозефине коснуться клавишей рояля, как граф начинал иступленно вопить, топтать ногами. Случалось даже, что он бросался на жену с кулаками.

Однако Жозефине удалось получить разрешение заниматься с Бетховеном. Дома у композитора всё и случилось. Тереза писала сестре из Женевы: «Ты и Бетховен, что из этого получится? Тебе следует глядеть в оба. Твое сердце должно найти в себе силу сказать – нет. Поверь мне, я знаю». Тереза действительно знала. Как много позже скажет их двоюродная сестра, «кузины близко знали его, куда ближе, чем могли в этом признаться».

Зимой 1804 года граф Дейм умер, оставив жену с тремя малышами и в ожидании четвертого. Теперь Жозефина была свободна. Но финансовое состояние Бетховена к тому времени заметно пошатнулось, и он уже не горел желанием обременить себя семьей с четырьмя чужими детьми. Встречаться и музицировать в четыре руки – это пожалуйста. Но в одну и ту же любовь, как и в реку, нельзя войти дважды. Молва приписывает Жозефине ребенка от Бетховена, но если бы это было так, Людвиг повел бы себя с ней совсем иначе. Тем более что очень скоро Жозефина снова вышла замуж (и снова неудачно).

Одна лишь умная и проницательная Тереза до конца постигла главное в их отношениях. Но она умела хранить свои мысли в тайне. И только много лет спустя, когда и Жозефина и Бетховен уже давно лежали в земле, Тереза доверилась дневнику. Она записала: «Жозефина была несчастна. Как и он. А оба они, будучи вместе, возможно, были бы счастливы».

Тереза была умная женщина, не зря Бетховен влюбился в нее в первую. И не зря он посвятил ей знаменитую маленькую пьесу для фортепьяно «К Терезе», по ошибке, из-за неряшливого почерка автора, вышедшую из типографии под названием «К Элизе». Так, по крайней мере, утверждают все исследователи. Досконально изучив жизнь гения, все его связи и влюбленности, они обнаружили, что у Бетховена никогда не было знакомой женщины по имени Элиза. Никогда в жизни...

Судьбе было угодно, чтобы чувства Бетховена оказались крепко связаны с семейством Брунсвиков.

...Однажды, подходя к двери столовой, Людвиг услышал звонкий женский смех. Показалось? Ведь здесь не принято громко смеяться, но тихих звуков он не услышал бы. Действительно, за столом, кроме Брунсвиков, сидела незнакомая молоденькая девушка и чему-то весело смеялась. «Не красавица, но какая чистая, свежая, как летнее утро!» – подумал композитор.

– Наша дорогая кузина Джульетта Гвиччарди, – громко представила Жозефина присевшую в изящном поклоне очаровательно зардевшуюся девушку. – Приехала к нам погостить и заодно мечтает брать уроки музыки у знаменитого маэстро.

Не прошло и месяца, как Бетховен пишет своему другу: «Перемена, происшедшая во мне теперь, вызвана милой чудесной девушкой, которая любит меня и любима мною». Много лет спустя, в 1823 году, Бетховен, тогда уже глухой и общавшийся с помощью «разговорных тетрадей», откровенно признается: «Я был очень любим ею и более чем кто-либо был ее мужем».

Он дает ей уроки музыки. Платы с юной графини не берет, а она, в свою очередь, дарит ему дюжину рубашек, которые сама сшила. Именно ей, Джульетте Гвиччарди, Бетховен посвящает свою сонату квази-фэнтази до-диез минор, которую сегодня весь мир знает как «Лунную». Он переполнен любовью и мечтой о браке. Но ему снова отказывают – явный мезальянс – и тут же выдают дочь замуж.

Бетховен мучительно переживает отказ. При помощи семьи он мечтал зацепиться за жизнь и стать хоть немножечко похожим на всех. «Итак, я опять должен искать точку опоры в самом себе, извне для меня ничего нет, – пишет он друзьям. – Нет, ничего, кроме ран, не давала мне любовь и подобные ей чувства. Для тебя, бедный Бетховен, нет внешнего счастья, ты должен все сам создавать, и только в твоём идеальном мире найдешь ты радость».

К сорока годам Людвиг потерял веру в то, что когда-нибудь обретет подругу жизни. Его все сильнее одолевает глухота. Глупо, считает он, с таким физическим недостатком искать взаимности. Композитор все больше замыкается в себе, становится угрюмым и молчаливым. Некоторым людям он кажется злым, черствым и заносчивым. Его истерзанная страданиями душа пуста – «без божества, без вдохновенья, без слез, без жизни, без любви», говоря словами великого Пушкина.

Кстати, про Пушкина и Бетховена есть такой невзрачный анекдот. Александр Сергеевич решил приехать к композитору в Вену и узнать, кто из них двоих гениальнее. Стучал-стучал у дверей Бетховена – никто не открывает. «Либо дома нет, либо спит», – решил Пушкин, обиделся и уехал прочь.

...В большом сердце гения музыки не осталось ничего, кроме отчаянья. А еще – гулкой тишины. Еще чуть-чуть – и мрак отчаяния целиком поглотит его душу. Он кричит: «Боже, помоги мне! Ты видишь, я покинут всеми, потому что избегаю зла. Только любовь в состоянии ошастливить мою жизнь. Боже, дай мне, наконец, найти ту, которая позволила бы мне назвать себя своею! Приди, любовь!»

Именно в это время он пишет цикл романсов «Отсутствующей возлюбленной» («An die ferne Geliebte»). Сравните: романсы «Отсутствующей возлюбленной» и письмо «Бессмертной возлюбленной». Для меня лично нет сомнений, что именно здесь кроется самая великая загадка этого гения музыки!

Когда в 1815 году умер его брат, оставив сына без отца и матери, Бетховен забрал к себе племянника (он, а не его братья со своими благополучными семьями!). Тогда-то и поползли слухи, что композитор был тайно влюблен в покойную жену своего брата, и Карл – вовсе не племянник, а их совместный ребенок. Слухи всегда преследовали его. Как и любого гения, сила и высота которого недоступна для понимания обычными людьми.

1815-й год для него вообще особенным в его судьбе. Это заметно и по творчеству. А самое главное – в тот год он окончательно оглох. И, возможно, его переживания спровоцировали болезнь. Но вот странный закон творчества: чем более Людвиг был одинок, тем глубже и прекраснее становилась его музыка. Так и кажется, что свои душевные и сердечные страдания он каким-то таинственным способом переплавлял в музыкальные шедевры.

Но так никто из исследователей биографов и не знает, кто всю жизнь вдохновлял его, какая из женщин была музой, «бессмертной возлюбленной» Бетховена. А сам он не захотел никого допустить к главной тайне своего большого сердца.

В тишине, наполненной музыкой

Бетховен, по его собственным признаниям, не оставлял незаписанной ни одной музыкальной мысли, приходившей ему в голову, и старался не разлучаться с нотной тетрадью. Множество строк и страниц в его нотных тетрадях сплошь зачеркнуто размашистыми зигзагами пера. Параллельные варианты одних и тех же музыкальных отрезков все время обгоняют друг друга, словно находясь в непрерывном соревновании. Поправки и варианты нагромождались друг на друга, возникали по два и более «слоя» записи. Великий писатель и биограф композитора Ромен Роллан даже утверждал, что «вникать в рукописи Бетховена полезно не только музыкантам, но и психологам».

Я не графолог, но подпись его меня немало удивила. Она у Бетховена какая-то двухэтажная. Огромная косая палка – то ли начало буквы «L», то ли «Т» – спускается вниз, объединяя собой сразу несколько букв второй строки. Не мудрено, что биографы не смогли разглядеть, кому именно посвящена его маленькая пьеса багатель ля-минор – «К Луизе» или «К Терезе»...

С 1795-го по 1802 годы композитор пишет 19 фортепианных сонат, 3 концерта для фортепиано с оркестром, 2 симфонии, 6 струнных квартетов, фортепианные и струнные трио, а также множество других сочинений. Огромное количество идей и проектов заполнило сознание Людвига, их так много, что приходится работать над несколькими произведениями одновременно. Но любое новое произведение Бетховена абсолютно не похоже на предыдущее, все они лежат в разных плоскостях и каждое гениально!

Его маленькая пьеса для фортепьяно соло «К Элизе» (багатель ля-минор) – это же не музыка, это признание в неземной любви! В наши дни это произведение известно всем, хотя при жизни композитора эта простая и милая пьеса издана не была. Публика узнала о ней благодаря биографу композитора Людвигу Нолю, обнаружившему в 1864 году рукопись, на первой странице которой было посвящение: «Fuor Elise». Но почерк у композитора был очень своеобразный и неразборчивый. Так что все решили, что следует читать «Fuor Therese», и посвящено это произведение не какой-то мифической Элизе, а Терезе Брунsvик, в которую Бетховен был влюблен...

К сорока годам глухота одолевает все сильнее. Композитор еще больше замыкается в себе, становится угрюмым и молчаливым. Окружающим он кажется невыносимым и заносчивым. На самом деле он просто стеснялся своей доброты. Он заботится об оставшемся сиротой племяннике, как о родном сыне, терпеливо снося его капризы, грубость и оплачивая долги. И по-прежнему очень много работает.

Гениальные последние квартеты, пять последних фортепианных сонат – грандиозные по масштабам, необычные по форме и стилю – современники Бетховена их просто не приняли...

Известно, сколь важную роль играет в музыкальном искусстве применение контрастов. Блестящих примеров у Бетховеном немало. Даже маленькая этюдная пьеса «К Элизе» состоит как бы из двух контрастных частей – неужели вы никогда не замечали? Крупные вещи у него покупают охотнее и за них больше платят, поэтому он старается не размениваться на «мелочи».

В 1804 году Бетховен охотно принял заказ на сочинение оперы. В Вене успех на оперной сцене означал славу и деньги. Конечно, у Бетховена не было опыта сочинений для оперного театра. Кульминационные моменты мелодрамы отмечены превосходной музыкой, но в других разделах отсутствие драматического чутья не позволило композитору подняться над оперной рутинной, хотя он очень стремился к этому: в «Фиделио» есть фрагменты, которые Бетховен переделывал до восемнадцати раз. Можно утверждать, что ни в одно другое сочинение композитор не вложил столько труда.

В разных редакциях состоялись три постановки этой единственной оперы Людвига Бетховена. Первая в 1805 году прошла с огромным успехом. Вторая через год провалилась, разве

что освистана не была. В третий раз оперу ставили в 1814 году, когда в Вене собрались на Конгресс многочисленные коронованные особы. Бетховен стоял рядом с дирижером оркестра, а потом ему передали благодарственные слова русской императрицы Елизаветы Алексеевны, супруги Александра I.

«Ангел, спустившийся с небес...»

Предложение провести мирную конференцию именно в Вене исходило от русского царя Александра I. Официально открытие Конгресса было запланировано на 1 ноября 1814 года. Однако высокие гости начали съезжаться уже с начала сентября. К их прибытию Вена прихорашивалась. Большинство домов и официальных зданий были отреставрированы; на холмах вокруг королевского замка выставлены десятки пушек, которые должны были приветствовать прибывающих гостей. В столицу Австрии съехалась блестящая и пестрая толпа: два императора, две императрицы, пять королей, одна королева, два наследных принца, три великих герцогини, три принца крови, 215 глав княжеских домов, 32 германских светлости и высочества! А еще – секретари, советники, журналисты, писатели, артисты, законные жены и любовницы, дамы легкого поведения, шпионы, авантюристы, мошенники и плуты всех возрастов и калибров. Было всего 700 делегатов и около 100 тысяч гостей.

27-го сентября 1814 года российская императрица Елизавета Алексеевна въезжала в столицу Австрии. Муж ее уже два дня назад прибыл сюда из Санкт-Петербурга. Вместе с австрийской императорской четой царь встречал жену. В открытой государственной карете императрица российская сидела бок о бок с императрицей австрийской. В честь приезда высокой гостьи на всем пути следования кареты был выстроен почетный караул, играли военные оркестры. Тысячи венцев высыпали на улицы посмотреть на жену русского царя и поприветствовать ее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.